

ГРИФ
СЕКРЕТНОСТИ
СНЯТ

Николай
Долгополов

ГЕНИИ РАЗВЕ ДКИ

АВТОР ОТВЕТИТ
НА ВСЕ ВОПРОСЫ

Николай Долгополов

Гении разведки

«ВЕБКНИГА»

2020

Долгополов Н. М.

Гении разведки / Н. М. Долгополов — «ВЕБКНИГА», 2020

ISBN 978-5-235-04708-2

Эта книга – своеобразный творческий отчет писателя Николая Долгополова. 25 лет назад он опубликовал свой первый материал об Абеле – Фишере и с тех пор написал около двух тысяч статей и 12 книг, которые стали бестселлерами. Дважды лауреат литературной премии Службы внешней разведки (СВР), сценарист трех полнометражных фильмов, показанных на Первом канале, комментатор сотни документальных фильмов и телепередач о разведке. Даже снялся в заглавной роли знаменитого Кима Филби! Главное отличие «Гениев разведки» от других произведений подобного рода: многих своих любимых героев Долгополов хорошо знал лично и поддерживал с ними добрые отношения долгие годы.

ISBN 978-5-235-04708-2

© Долгополов Н. М., 2020

© ВЕБКНИГА, 2020

Содержание

От автора	6
I. Героев им присваивают редко	7
Зорге без мифов	7
Шанхайские университеты	9
Спас Москву и СССР	14
В разведку женщин не пускать!	22
13 месяцев с Рамзаем	24
Коммунисты всегда под колпаком	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Николай Долгополов

Гении разведки

© Долгополов Н. М., 2020

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2020

Уважаемые читатели!

Книга, которую вы держите в руках, посвящена истории отечественной разведки. На протяжении всего XX века разведывательная служба была важнейшим, а подчас и единственным инструментом решения самых сложных и ответственных государственных задач.

За каждым из выдающихся достижений разведки стоят судьбы конкретных людей, к большинству из которых никогда не придет всенародная слава. Впрочем, они и не ищут ее, считая главной наградой возможность служить Отечеству.

Среди получивших известность сотрудников нашей Службы немало людей с чрезвычайно развитыми способностями, выдающимся интеллектом и волей. Читать о каждом из них – подлинное удовольствие. Поэтому убежден в том, что книга Николая Михайловича Долгополова будет пользоваться успехом у самой широкой публики.

Директор Службы внешней разведки Российской Федерации

С. Е. Нарышкин

От автора

Давайте разделим эту книгу о разведке на четыре части. Сначала представим Героев Советского Союза и России. Затем расскажем о святой святых разведки – ее нелегалах. В третьей части представим разведчиков, действовавших как под дипломатической крышей, так и под самыми разными обличьями. И завершим рассказами о наших бесценных иностранных агентах, которых в разведке называют «друзьями».

Не собираюсь утверждать, будто выбрал самых-самых. Нет. Но об Абеле – Фишере и Киме Филби, о Геворке Вартаняне и Надежде Троян в молодогвардейской серии «Жизнь замечательных людей» вышли мои книги. Захотелось познакомить читателей и с другими героями. Разведчиков – вообще горсточка, но каждый из них совершил свое, неповторимое. И прекрасно, что в «Молодой гвардии» это осознают лучше, чем где-либо.

Наше сотрудничество с «МГ» длится, страшно сказать, больше сорока лет. А о разведке пишу с 1993 года. Рассказать есть о ком.

Я горжусь не только тем, что стал постоянным автором «Молодой гвардии», но и несколько иным: «Молодая гвардия» приняла меня в свои авторы. Будучи суеверен, я никогда не считал, сколько книг написал, сколько переизданий вышло и какие премии автор и издательство за эти труды заработали. Не в том цель: да, это хорошо, но побочно, это находится вне пьедестала почета. Счастлив, горд, что не подвожу – пока, тьфу-тьфу, «МГ» в ее книжном отчете перед Читателем.

Его, моего родного, я, кажется, знаю. Не слишком молод. Совсем не богат. Одет скромно. Иногда иронично настроен, зато интеллигентен, образован. Прочитал сотни книг. И предложить ему еще одну, собственную, – это рискованная затея. Примет ли? Выберет ли среди сотен, а теперь и тысяч других? Если книгу покупают, значит, общий язык найден. И твоя обязанность ответить на письмо отягощенного жизнью человека, потратившего полтыщи рублей на твое выстраданное творчество. Надо встречаться, фотографироваться, подписывать книги в любое время дня и ночи. Отвечать на вопросы. Потому что тебе и книгам твоим верят.

И снова о том, как привлечь друзей купить эту книгу. Когда я бываю на книжных ярмарках, мне порой делается, без шуток, дурно. Ведь в этой ярмарке можно запросто утонуть. Выбор величайший. И всегда среди победителей моя милая «Молодая гвардия». Как же хочется внести хоть частичку, хоть малую лепту в ее постоянный успех.

I. Героев им присваивают редко

Зорге без мифов

Рихард Зорге

Парадоксально, но гражданин Германии, немецкий коммунист Рихард Зорге, получивший затем советский паспорт и ставший резидентом военной разведки СССР в Токио, появился на свет в окрестностях Баку.

«Я родился на Южном Кавказе, меня привезли в Берлин совсем маленьким. Этот факт из моей жизни я всегда помнил. Я, возможно, слишком русский, я – русский до мозга костей», – признавался Зорге. И первые слова, им произнесенные, были русскими. Лишь в Берлине в возрасте четырех лет мальчик заговорил по-немецки.

Недавно еще раз полюбовался памятником Зорге, установленным в начале 1980-х в столице советского тогда Азербайджана. Монументальная работа знаменитого скульптора Владимира Цигаля, сделанная в соавторстве с бакинскими зодчими, – одна из достопримечательностей города и уж точно украшает парк, где степенно прогуливаются жители.

Что не украшает, так это комментарий гида на английском языке, постоянно называвшего казненного 7 ноября 1944 года в Токио Зорге «советским шпионом». Даже немцы, в основном и ехавшие в огромном экскурсионном автобусе, озадачились таким жестким ярлыком. Потом подходили ко мне, говорили на нормальном, как говорят теперь многие немцы, английском, что и в их понимании Зорге не шпион (*spy*), а разведчик (*intelligence man*).

Впрочем, как объяснил мне гид, есть два варианта одной и той же экскурсии по Баку. Одна – на английском, к нам, россиянам, безжалостная. Вторая – на русском, более мягкая по отношению к гостям из веками близкой Азербайджану страны. Надеюсь, хоть в «более мягкой» легендарного земляка Рихарда Зорге именуют разведчиком.

Кстати, о том, кого считать разведчиком, а кого шпионом, я долго говорил с ушедшим ныне Героем России, полковником, атомным разведчиком, историком, теоретиком и аналитиком научно-технической разведки Владимиром Барковским. Владимир Борисович, которого еще до ухода называли легендой советской разведки, высказывался на сей счет весьма категорично: «Человек, который приносит пользу твоей родине, – всегда разведчик. Наносящий ей ущерб – шпион». Уверен, что братскому Азербайджану Рихард Зорге ущерба никогда не наносил.

Но как же Рихард Зорге «попал» в Баку? История проста и документально подтверждена. Его отец, немецкий инженер Герман (наберитесь терпения) Адольф Рихард Курт Зорге, работал здесь в селении Сабунчи с 1885 года обычным техником на нефтяных промыслах у того самого шведского промышленника Альфреда Нобеля, и придумавшего знаменитую ныне премию. Потом, поднакопив деньжат, сделался владельцем чугунолитейного и механического завода. Но летом 1892 года добралась до Сабунчи эпидемия холеры, и жена немца умерла. И он, вдовец с несколькими детьми, женился на молодой прислуге – 22-летней сироте, дочери рабочего-железнодорожника Нине Кобелевой.

Брак, как ни странно, сложился удачно. Несмотря на разницу в возрасте, Нина искренне полюбила солидного немецкого инженера, с которым жили в счастье и достатке. 4 октября 1895 года в поселке Сабунчи Бакинского уезда Нина Кобелева-Зорге родила сына, названного Рихардом.

Его отец совсем не интересовался политикой. Странно, ведь в жилах Германа Адольфа... текла и кровь Фридриха Зорге, одного из основателей и секретаря 1-го Интернационала, друга

и помощника Карла Маркса, а также Фридриха Энгельса. Сын Рихард приходился Фридриху Зорге внучатым племянником. Соратник Маркса скончался и похоронен в Америке. Вышла его обширная переписка с основателями марксизма. Только вот отец Рихарда детям своим завещал держаться подальше от всяких революций и пахнувшей кровью политики. В Баку семья вела существование сугубо мирное, ни с кем и ни в какие конфликты не ввязывалась.

Этот бакинский период продлился недолго. Через три года все многочисленные отпрыски Зорге во главе с отцом отправились в Берлин, где в западном пригороде на Манизер-штрассе и прошло детство Рихарда или Ики, как его нежно называли вся родня и близкие знакомые. Так что еще раз: младенец никакого вреда бакинцам нанести был просто физически не в состоянии. Несколько детских лет в Азербайджане – единственная безмятежная пора в его суровой, щедрой на испытания жизни.

Иногда вдруг всплывали какие-то «бакинские» подробности. То мой приятель, давно покинувший Азербайджан, рассказывал, будто его бабушка жила «ну, совсем рядом, прямо по соседству с семейством Зорге». И эта мудрая старая армянская женщина-бакинка каким-то образом поддерживала связи с уехавшими в Германию. И даже еще до Второй мировой войны якобы знала, кем стал росший на ее глазах до трех годков Рихард. Но вот это – уж вряд ли. Если бакинская бабушка и поддерживала связи с родственниками Зорге, то вряд ли ей сообщали из столицы рейха о судьбе коммуниста Рихарда, сначала арестованного в Германии, а потом вдруг как в воду канувшего.

Или выискивались в столице Азербайджана знатоки, утверждавшие, что некоторые другие сородичи Рихарда Зорге тоже работали на советскую разведку. Обучались «на нелегалов» в СССР, а еще конкретнее – в том же Баку. Никаких документальных подтверждений этому нет.

По-моему, домыслы о родственниках-чекистах родились потому, что в окружении будущего Героя было немало тех, кто впоследствии отдал уже в Германии дань увлечения (или, как Рихард, – жизнь) марксизму. Так что все это – мифы, без которых не обойтись ни одной видной личности.

Но бакинские легенды, как и памятник в парке, мне, честно говоря, нравятся. Они делают разведчика ближе, роднее. Это же здорово, когда людям из разных точек бывшей огромной страны хочется верить: он и наш Герой тоже.

Хотя Рихард Зорге начинал в армии немецкой. В Первую мировую пошел на фронт добровольцем. Быстро понял, что к чему и кому нужны такие войны. После третьего тяжелого ранения врачам пришлось его оперировать. Левая нога стала короче, Зорге слегка прихрамывал, но ничуть этого не стеснялся. Своеобразная походка даже придавала ему определенный шарм.

Как тут не вспомнить еще одного Героя – только России – атомного разведчика Александра Феклисова. В молодости, спасая людей, он отморозил ухо. Но настолько не обращал внимания на недуг, что и все его соратники, агенты, иностранные оппоненты невольно свыклись с этим, поняли, что глухой на одно ухо полковник прекрасно слышит мир. Вот и легкое прихрамывание Зорге вызывало у женщин некое восхищение – навстречу им идет рыцарь, герой.

Рыцарь – не рыцарь, но в Германии он участвовал в восстаниях и боях, которые, как надеялись и немецкие рабочие, и их российские вдохновители, закончатся такой же революцией, что произошла в 1917 году в России. Не получилось. Тюрьма, подполье, знакомство и работа с вождем немецкого пролетариата Эрнстом Тельманом. И здесь, подметив в Зорге нечто выделяющее его из толпы митингующих, Рихарду поручают ответственный пост: он отвечает за безопасность представителей высшего советского и партийного руководства, приезжающих в Германию в составе официальных делегаций. Охрана, обеспеченная компартией, ведется если и не совсем профессионально, то с большим старанием.

Тут к Зорге начинают приглядываться и советские чекисты. Такой приятный, старательный парень очень пригодился бы Коминтерну и в Москве. В ней Рихард обосновывается в 1924 году, получив советское гражданство и новые документы на имя некоего Зоннера.

В столице мирового социализма он пишет великолепные статьи, но почти все под своим настоящим именем – в коммунистической прессе, и работает в отделе информации Коминтерна. Странно, что коммуниста и публициста никак не прикрывали, мог бы печататься хотя бы под псевдонимом. Ведь из инфоотдела до разведки всего лишь пара шагов. Зорге делает их не по приказу. Он уверен, что, именно работая за кордоном, сможет принести наибольшую пользу мировой революции.

Откровенно говоря, мне так до конца и не понятно, как удалось Зорге с начала 1930-х годов избегать всяческих подозрений со стороны суровых фашистских спецслужб. Хорошо, действительно десяток лет работал вдали от Третьего рейха. Но как не попал в сети контрразведки, бдительно раскручивавшей жернова проверок, еще когда жил в Веймарской Германии? Ведь был и арест в 1920-м, и членство в германской компартии. А множество брошюр и статей исключительно антифашистского, даже скорее сугубо коммунистического толка. Они издавались под настоящей фамилией журналиста и в Германии, и в Советском Союзе.

Допустим, Киму Филби и другим членам так называемой «Кембриджской пятерки» юношескую левизну простили благодаря благородному происхождению и родительским генам. Но как не попал в гестаповскую картотеку сверхподозрительный Зорге? Правда, можно вспомнить эпизод с намечавшимся назначением любимца немецкой колонии в Токио в партайгеноссе – вот до какой степени ему доверяли. Тогда московский Центр и сказал свое веское слово: опасно! Из Токио просто обязаны были запросить подтверждение о благонадежности кандидата на пост руководителя организации НСДАП, объединявшей всех наци, живущих в Японии. И Зорге под благовидным предлогом отказался.

Нахожу этой неуязвимости лишь одно объяснение. Обаяние личности Рихарда Зорге было так велико, что в головах (и умных тоже) людей, с ним общавшихся, никакое подозрение закрасться никак не могло. Им хотелось верить в этого человека. И они верили.

А еще удача. Теперь бы сказали: Зорге был фартовым. И это – тоже правда. Но даже фарт имеет обыкновение заканчиваться.

Шанхайские университеты

Да, советский разведчик Рихард Зорге прославился в основном фантастически успешной работой в Токио. Однако не следует забывать, что еще до длительного японского периода Зорге отработал несколько лет в Китае.

Легенда, как говорят профессионалы, приезда в Китай немецкого, а на самом деле уже советского гражданина Рихарда Зорге проста. Сравнительно молодой человек отправился в огромную страну для изучения банковского дела и написания статей для трех иностранных изданий.

Кто придумал эту легенду? Парадоксально, но не высокое начальство из Разведывательного управления Красной армии, а сам новичок. Да, в ту пору настоящим разведчиком Зорге было назвать трудно, хотя его уже официально приняли на работу в Разведупр. Короткие собеседования, прощупывание на тему того, где, на каком участке немец мог бы быть полезнее и эффективнее. Приступили к учебе, которой суждено было вскоре завершиться.

Выяснилось, что сейчас не до нее. Горячая ситуация создалась в Китае, кого-то надо было туда срочно отправлять. И послали Зорге. Решение случайное, но именно случайно оказавшееся как раз верным. Рихард потом признавался, что ему не по душе была чопорная, до боли знакомая Европа. Больше притягивало новое, неизвестное, восточное, азиатское. Вот где

могли пригодиться его работоспособность и темперамент. К тому же в Советском Союзе возлагали немалые надежды на Китай – там могла развернуться настоящая революция.

Китай стал его сознательным выбором. Потому он без колебаний принимает предложение руководителя Разведупра Берзина отправиться в Шанхай.

И как можно скорее. Всего ничего прошло с момента принятия решения работать на советскую разведку, а уже 10 января 1930 года японское судно с Зорге на борту бросает якорь в шанхайском порту.

За два с половиной месяца до отъезда энергичный немец сумел обогатить собственную легенду убедительными деталями. Еще в давние времена во Франкфурте Рихард познакомился с главным редактором «Дойче Гертрайдэ Цайтунг». Газета имела скорее сельскохозяйственное направление, чем какое-то политическое. Зато выходила ежедневно. Ее руководитель сумел найти небольшие деньги на отправку в Китай собственного корреспондента. Но только на эти средства было не протянуть. И чтобы придать легенде еще большую правдивость и оправдать получаемые из московского Центра деньги на ведение разведывательной работы, Рихард быстро ухитрился заключить в том же Франкфурте договор с германо-китайским обществом на проведение научного исследования. Тема – «Происхождение и развитие банковского права в Китае».

Успел Зорге даже не съездить, а, извините, смотаться в США. Там он договорился регулярно посылать материалы для двух американских газет. И псевдоним (вовсе не оперативный) знавший английский и хорошо на этом языке писавший Рихард придумал соответствующий – Алекс Джонсон.

Он приехал в Китай под собственным именем и со своими подлинными документами немецкого гражданина. На его визитной карточке того периода, щедро раздаваемой и охотно из рук симпатичного немца принимаемой, выведено: «Доктор Рихард Зорге, почтовый ящик 1062, Шанхай».

Чем же занимался Рихард в Китае? Вместе с Берзиным они определили список наиболее важных задач. Первая – определить и дать характеристику социальной, а также внешней и внутренней политической деятельности нанкинского правительства и отдельных его фракций. Далее – выявить военный потенциал чанкайшистов. Получить сведения об оснащении армии – не только сил Чан Кайши, но и многочисленных военных клик, то появлявшихся, то исчезающих на внутривластной арене Китая. Понять, какую стратегию избрали для себя в этом регионе США и Англия. Определить, на что способны иностранные державы в этой стране и какова их мощь.

Считается, что если 70 процентов из намеченного разведчику удастся, то его миссия выполнена успешно. Справился со сложнейшими задачами и Зорге. За два года в Центр было передано около шести сотен донесений. О их важности свидетельствует другая красноречивая цифра: 250 из них легли на стол товарища Сталина.

Наиболее ценный документ из всего присланного, конечно, копия «Антикоминтерновского пакта». Она попала в Москву еще раньше, чем ее получил в Италии сам участник фашистской оси Бенито Муссолини.

И это несмотря на то, что почти сразу же, как и каждый иностранец, Рихард попал под колпак спецслужб. Вот документ из архива полиции Шанхая: «С июля 1931-го по январь 1932-го Зорге находился под наблюдением полиции. Проверяли его абонементный ящик 1062. Следили за квартирой. Было установлено: “Из дома выходит редко. Свободное время проводит, играя в шахматы со знакомыми”».

Надо заметить, что Рихард явно перехитрил службу наружного наблюдения (наружку. – Н. Д.). «Из дома выходит редко»... А Зорге изъездил весь Китай, преодолев 10 тысяч километров по трудным его дорогам. «Время проводит, играя в шахматы»... Но именно в Китае он как следует сработался с радистом Максом Клаузенем, прибывшим в Шанхай в декабре 1929 года.

Как быстро все произошло! В 1928-м коммунист Клаузен приезжает в Москву. Сбывается его давнишняя мечта: он будет работать и жить в стране, строящей социализм. Но у разведки были на Макса свои виды. Ему предложили пойти на курсы радистов, которые он, проявив завидные способности, закончил через год. И сразу командировка в Шанхай, где легко сходящийся с людьми улыбчивый немец занялся коммерцией.

Случайно познакомился с женщиной, жившей по соседству. Ее звали Анной. Красивая и спокойная русская после некоторых настойчивых предложений, нет, еще не руки и сердца, а всего лишь поменяться снимаемыми комнатами, согласилась с чудачком немцем. Тот почему-то хотел жить только на неудобном чердаке, а ей отдавал свою гораздо более удобную квартиру этажом ниже. Тогда Анна еще не знала, что на чердаке радиостанция ее будущего мужа работает почти безукоризненно, а этажом ниже много помех. Знакомство переросло в дружбу, а дружба завершилась замужеством. Согласие на брак дали Клаузену – помимо невесты – сначала резидент Зорге, а потом и Центр.

Долго скрывать от Анны, кем он на самом деле является, «коммерсанту» Максу не удалось. Обстоятельства не позволяли продолжать игру в молчанку с собственной женой. Правда, сначала объяснения мужа в том, что он специалист по радиосвязи, успокоили Анну. Но почему такие частые отлучки? Зачем перевозить – и тайно – рацию с места на место? В конце концов Клаузен был вынужден признаться. Жена поняла и приняла.

И уже скоро, переезжая через границу, хладнокровно выдержала одно из первых испытаний. Таможенник увидел здоровенный ящик с рацией. Но открывать его было так долго и мучительно, что он попытался взять молодую женщину на испуг. Потребовал, чтобы та под клятвой призналась, что в деревянном коробе. И Анна без сомнений выдала: «Посуда. Только тщательно упакованная посуда. Будете открывать? Если перебьете, придется вам и расплатиться». Рация благополучно пересекла границу, а Центр больше не сомневался: приобретен хладнокровный и надежный помощник. Кстати, подобной выдержки, демонстрируемой в тяжелейшие моменты, не всегда хватало самому Максу.

Вернувшегося после Шанхая в СССР Клаузена почему-то послали в степной городок в Саратовской области. Выглядело весьма странно. В голову лезли всякие мысли: то ли трудовое воспитание-перевоспитание, то ли недоверие. Жена Анна осталась в Москве, а Макс научился управлять трактором. Для поддержания профессиональной формы открыл для местных школу радистов-любителей. Его отметили грамотой, портрет ударника труда – немца повесили на Доске почета.

Тут в Центр и пришла телеграмма из Токио, где уже работал резидент Рамзай. Зорге признавался, есть тому и документальные подтверждения, что был готов остаться в Китае хоть на всю жизнь, так ему в огромной стране нравилось. Но политическая обстановка изменилась. Глобальные угрозы исходили уже из Японии, куда в интересах дела и должен был отправиться резидент. Еще в Шанхае он увлекся изучением японской культуры, политики и всего того, что имело хоть малейшее отношение к загадочной державе, в которой любой разведке в ту пору работать было чрезвычайно сложно, однако необходимо.

Зорге просил прислать ему в Токио в качестве радиста только Клаузена, с которым он так слаженно работал в Шанхае. И резиденту Рамзаю (это оперативное имя придумал для Рихарда сам начальник военной разведки Берзин) не отказали.

Судьба Макса снова дала крутой поворот. Одного из лучших радистов советской разведки, выше него ставили только Вильяма Фишера (будущего полковника Рудольфа Абея), ждала большая работа.

Интересно было бы узнать, пересекались ли в Шанхае, да и вообще в Китае, пути Макса Клаузена и другого мастера этой профессии – настоящего Рудольфа Иоганновича (Ивановича) Абея, тоже работавшего в те годы в этой же части огромной страны под крышей консульства. Правда, последнее обстоятельство делает пересечение едва ли возможным, ибо легальная

разведка старалась никак не соприкоснуться с нелегальной, чтобы, не дай бог, не подвести, не поставить нелегалов под угрозу.

Содружество Зорге с Клаузенем еще в Китае переросло в дружбу и полное взаимопонимание, что так помогло им через несколько лет в Японии, куда Макс Клаузен прибыл специально для работы с группой Рамзая. Анна присоединилась к мужу позднее, когда Макс сумел легализоваться в закрытой для иностранцев стране. Анну все принимали за немку. В немецком клубе она устраивала благотворительные вечера и организовывала всяческие праздники, а дома помогала мужу. Когда тот работал на радиостанции, выходила гулять с собакой. Появлялся рядом кто-то посторонний, и Анна возвращалась домой, чтобы предупредить мужа.

Иногда Анне Клаузен приходилось уезжать в опасные командировки. Везла неведомые ей документы, отснятые на пленках, в разные города. Держалась естественно, уверенно, ни разу не вызвала подозрений у таможенников и пограничников.

Свой основной источник разведывательной информации – японского журналиста Ходзуми Одзаки – Зорге приобрел еще в 1930 году в Шанхае, где Одзаки с июня 1928 года трудился собственным корреспондентом «Осака Асахи». Случайность? Ничего подобного. Разведчик моментально выделил молодого японца из множества аккредитованных в Китае коллег. Тот не отличался задиристостью, не предсказывал, как некоторые его соотечественники, что Япония вместе с Германией станет владычицей мира. Наоборот, осторожно намекал: милитаристские настроения, ставка на экспансию способны погубить Японию. Одзаки очень помог Зорге еще в самом начале их знакомства. Это о нем Зорге писал: «Он был моим первым и наиболее ценным помощником. Одзаки добывал самую полную и интересную информацию, которая когда-либо поступала ко мне из японских источников. Сразу же я близко подружился с ним».

Они поняли друг друга. И это понимание переросло в тесное сотрудничество между немцем и японцем во благо Страны Советов. Именно Одзаки предупредил Зорге: продажные китайские генералы договорились отдать Маньчжурию японцам. На это предупреждение в Москве среагировали мгновенно.

Забегая вперед заметим, что в Японии Зорге постарался побыстрее отыскать Одзаки. Это удалось сделать через связника – югославского журналиста Бранко Вукелича. Тот представлял в Токио несколько французских изданий и, заглянув весной 1934 года в редакцию «Осака Асахи», не вызвал никаких подозрений.

Одзаки искренне удивился, узнав, что Зорге в Токио. Вернувшись домой из Китая, он был уверен: его друг Рихард по-прежнему в Шанхае. Вскоре они встретились в тенистом парке маленького городка. Зорге не пришлось уговаривать Ходзуми. Он сразу согласился продолжить совместную работу.

Вернемся ненадолго в Шанхай, где далеко не всё складывалось так, как хотелось. Тут можно сетовать на то, что, отправляясь в Китай, Зорге не прошел практически никакой специальной подготовки. Разведчик учился на ходу.

Активно занимался вербовкой. Правда, этот разведывательный термин вряд ли подходит для объяснений действий Зорге. Он, скорее, старался приобретать не агентов, а друзей, способных помочь ему и Советскому Союзу. Метод убеждения был наиболее предпочтителен для Рамзая. Возможно, именно отношения полного взаимопонимания и дружбы между резидентом и его помощниками так долго спасали их от провала.

Ну как, например, можно было подкупить американскую журналистку Агнес Смедли, автора всемирно знаменитых бестселлеров. Рамзай привлек ее идеями, которые та разделяла. И в ответ Смедли, обладавшая огромным количеством самых разнообразных связей, знакомила его с людьми, определявшими политику в важнейшем регионе Азии. И, внимание, именно Агнес свела Зорге с Одзаки. Но можно ли называть писательницу разведчицей? Возможно, хотя и с натяжкой. А вот другом Зорге – точно. Смедли оказывала ряд услуг советской разведке и после окончания Второй мировой войны.

Другая сотрудница резидентуры Рамзая – Рут Кучински-Вернер вошла в историю разведки под псевдонимом «Соня». С ней Зорге тоже познакомился в Шанхае, где и началось ее многолетнее сотрудничество с советскими спецслужбами. В годы Второй мировой войны помогала знаменитому резиденту «Дора», он же Шандор Радо, добывать и переправлять ценнейшую информацию из Швейцарии в Москву. В послевоенные времена занималась атомной разведкой. «Соня» тихо скончалась уже в XXI веке в Лондоне, так и не раскрыв всех своих секретов.

Зорге фактически ни разу не дал повода для подозрений и благополучно уехал из Китая. Забегая далеко вперед напишу, что в обвинительном заключении Зорге, подготовленном японской политической полицией после его ареста в Токио, фигурировали лишь несколько человек, работавших с ним в Шанхае. Причем вина их не была никем и никак подтверждена.

Под предпоследним номером 19-м в обвинительном заключении упоминается одной строкой «“Пауль” – Римм Карл, в 1930 г. заместитель и военный консультант Р. Зорге в Китае». Расшифруем то, о чем не знали японцы. Речь идет о кадровом сотруднике военной разведки, полковнике Карле Мартыновиче Римме, который был помощником Зорге. После отъезда Рихарда на родину для последующей командировки в Японию работал в Китае еще с несколькими резидентами. Вернувшись в СССР, возглавил отделение 2-го Восточного отдела военной разведки. Судьба, как и со многими разведчиками тех лет, обошлась с ним жестоко. В декабре 1937 года Карл Римм был расстрелян. Реабилитирован в 1957-м. А в 1965-м награжден орденом Красной Звезды «за образцовое выполнение заданий командования и проявленные при этом мужество, смелость и отвагу».

А последний 20-й номер в обвинительном заключении, где приводится полный состав группы Рамзая, – Агнес Смедли. О ее роли японцы могли только догадываться.

Все же японцы добрались до некоторых своих соотечественников, связь с которыми Зорге установил еще в Китае. Так, журналист Кавамура Иосио был арестован, как и многие члены группы Рамзая, в 1941 году. Затем осужден и в 1942-м скончался, как указано в «Трофейных японских документах, касающихся деятельности Рихарда Зорге и его группы», от последствий тюремного заключения.

Работа в Шанхае послужила Зорге отличной подготовкой для еще более тяжелого и результативного пребывания в Японии.

В 1930-х годах эта страна осуществила агрессию против Китая. Оккупировала часть его территории. Создалась серьезная угроза и советскому Дальнему Востоку. Зорге предвидел развитие событий в таком направлении, сообщая в Москву о все нараставшей угрозе со стороны японцев.

Еще в 1932 году в Китае Зорге сделал безошибочный прогноз о попытках США усилить свое влияние в мире и особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе. «В будущем США займут место Великобритании, как господствующая держава на Тихом океане», – радировал он в Центр из Шанхая. Вот уж действительно удивительнейший дар предвидения.

Был еще один важный момент работы Рихарда Зорге в Шанхае, на который обращаю внимание. Он сумел постоянно получать отчеты немецких военных советников, оценивавших состояние противоборствовавших в Китае внутренних и иностранных вооруженных сил. Умение добыть и проанализировать такие отчеты немецкого руководства стало отличительной чертой его деятельности и в Токио.

С 15 февраля 1932 года и по октябрь 1941 года Рихард Зорге был резидентом советской военной разведки в Японии. И рядом с ним трудились преданные, проверенные помощники – журналисты Ходзуми Одзак и Бранко Вукелич, радист Макс Клаузен с женой Анной.

Порой Зорге изображается человеком, словно выкованным из железа. Никаких личных забот, душевных переживаний. Как все это непохоже на правду. Больше всего он мечтал увидеть свою жену Катю. Да, в его жизни было немало женщин, но любовь всегда оставалась

только одна. Понимал, что разлука с женой – навсегда. Но вопреки всему верил, что они еще встретятся. Писал ей: «Надеюсь, что наступит время, когда это станет возможно». Самообман? Самовнушение? Похоже. Но только так можно было заглушить тоску по любимой женщине.

Он грустил о матери. Разойдясь во взглядах с братом Германом, все равно задумывался и о нем. Что будет, если в Японии его, Рихарда, арестуют? Зорге осознавал, что тогда родственники в Германии обречены. А вот жесткую травлю в СССР жены Кати, ее арест и трагическую гибель он при всей своей прозорливости вряд ли предвидел.

От себя с горечью добавлю, что испытания, выпавшие на долю жены Зорге – Екатерины Максимовой, ни с чем не сравнимы. Величайшая несправедливость – погибнуть, по существу, быть замученной своими же. Не удалось отыскать ни единого свидетельства того, что Зорге каким-то образом узнал о трагедии Кати. Они так и ушли из этого жестокого мира, любя и веря друг в друга.

Сама мысль о ждущей его любимой женщине придавала сил Зорге. А они ему были нужны. Именно в Японии Рамзай понял, что способен не только получать ценнейшую информацию, но и оказывать влияние на развитие некоторых важных политических событий.

Спас Москву и СССР

Говоря о Зорге, мы все теперь с неоспоримым единодушием отдаем должное двум великим подвигам, им совершенным. А вот о третьем, на мой взгляд, не менее важном, почему-то не вспоминаем. Давайте же попробуем разобраться в том, чего добился Рамзай в Японии.

Подвиг № 1. Назвал точную дату нападения фашистской Германии на СССР

Начнем с очевидного, многократно описанного, а потому проторенного и пройденного. Именно Зорге в радиосообщении, переданном радистом Максом Клаузенем, уведомил Центр о безукоризненно точной дате начала войны. Однако в Москве его информацию восприняли скептически.

А между тем первая радиограмма о неизбежной войне с Германией пришла из Токио еще 18 ноября 1940 года. Зорге тогда удалось узнать от специального посланника Гитлера, захватившего с инспекцией в Токио, что все приготовления к вторжению в Британию – фикция. Германия не собирается воевать на два фронта. Фюрер решил бросить основные силы на уничтожение СССР.

Прошло немногим больше месяца, и Зорге передает конкретное уточнение: «На германо-советской границе сосредоточено 80 немецких дивизий. Гитлер собирается оккупировать территорию Советского Союза по линии Харьков – Москва – Ленинград». А все дивизии, которые демонстрируют, всего лишь демонстрируют, намерения вторгнуться в Британию, не достигают даже полной численности. Часть солдат и техники уже переброшены на Восток».

Хотя Сталин постоянно читал донесения Зорге, разведчика он недолюбливал. То, что сообщал резидент военной разведки Рамзай, никак не вязалось с его собственными представлениями о возможном развитии событий. Иосиф Виссарионович был уверен, что заключивший Пакт о ненападении Гитлер не решится перечить ему, вождю всех народов Сталину, и не нападет на СССР. Это был глубочайший стратегический просчет, вызванный самоуверенностью, явной недооценкой силы противника. Подумаешь, какой-то резидентиска раз за разом передает телеграммы, от которых трясет всю разведку. Что значили они по сравнению с его гениальными предназначениями.

Но Зорге был абсолютно уверен в надежности своих источников информации. Среди них – посол Германии в Японии Ойгер Отт, военный и морской атташе посольства и постоянно наезжавшие из Берлина в Токио высокопоставленные гитлеровские эмиссары. Среди них и нанесший визит в Токио фельдмаршал фон Бок. Именно тот самый, что после нападения

Германии на СССР командовал на Восточном фронте группой армий «Центр». За рюмкой он много чего нарасказал миляге журналисту.

Можно сказать, что сотрудники посольства Третьего рейха в Токио как могли помогали советской разведке, сообщая все, что только могло заинтересовать Зорге.

Конечно, немцы, как требовали того законы разведки, постоянно блефовали: то подбрасывали через своих военных сведения о различных датах начала военных действий, то вообще отрицали любые намерения Гитлера напасть на СССР. Рихард учитывал это и всегда проверял достоверность информации через другие источники: в друзьях у него были англичане, китайцы, американцы...

Да, время шло, в процессе подготовки к вторжению планы Гитлера менялись. Зорге, не поддаваясь на дезинформацию, отсекая все подброшенное, неправдоподобное, следя из Японии за каждым сделанным в рейхе шагом, держал Москву в курсе событий. Чтобы оценить добросовестность Зорге в оценке и проверке поступавшей информации, достаточно проследить за последовательностью его действий.

Так, в марте 1941 года после душевной беседы с новым атташе ВМС Германии Зорге дает Москве знать: фашисты могут начать войну сразу же после победы над Англией.

Но уже 11 апреля – новый сигнал о том, что немецкий Генеральный штаб, не дожидаясь завершения английской кампании, закончил подготовку к нападению на СССР. И в этом же месяце – подтверждение с описанием действий близких к Гитлеру генералов.

Вскоре Зорге навел посла Отта на мысль осведомиться у Риббентропа о стратегических планах Германии – в интересах проведения более решительной политической линии в переговорах с Японией. Ответ был конкретен – война с СССР начнется в мае.

Затем, когда обстановка около действительно туманного Альбиона изменилась, посол Отт в конфиденциальной беседе информировал верного помощника и фактически своего пресс-атташе, такова уж была официальная степень доверия к Зорге, что «германские войска могут перейти советскую границу в конце этого месяца – мая». Впрочем, следует оговорка, которую обвиняющие Рамзая в дезинформации сознательно опускают: в том же донесении подчеркивалось, что есть вероятность переноса срока нападения на будущий год. И эти «временные допуски», подчеркивает Зорге, исходят не из его посольского окружения, а от тех, кто вершит дела в столице рейха.

А еще он передает в Москву, что план нападения на СССР генерала Маркса, всего лишь однофамильца великого Карла, отвергнут Гитлером после тщательного и всестороннего изучения. Зорге даже сообщает, что после этого решения в окружении фюрера шутили: «Маркс – и на Москву? Только этого нам не хватало».

Зорге знал обо всех фашистских планах, мало-мальски связанных с Россией. Это как раз и делает честь разведчику. Он постоянно в курсе меняющихся событий, отслеживает все нюансы чужих – вражеских – намерений.

19 мая 1941 года Зорге посылает тревожнейшую информацию о девяти армиях из 150 немецких дивизий, сосредоточенных на польской границе. Данные получены в конфиденциальной беседе со специальным посланником из Берлина Оскаром Нидермайером.

30 мая 1941 года еще одна радиограмма. В ней прямая ссылка на Отта, утверждавшего, что война с Советским Союзом начнется во второй декаде июня. И в те несколько дней между этим сроком и началом войны на Зорге из Москвы сыплются упреки в паникерстве. На одной из его радиограмм Сталиным начертана суровая резолюция: «В перечень сомнительных и дезинформационных сообщений Рамзая». На другое предупреждение о скором начале войны в Токио приходит ответ из Москвы, в котором прямо указывается, что Центр считает возможность нападения Германии на СССР маловероятной.

Но Зорге не боится гнуть свое, то, в чем абсолютно уверен. Рихард не из конъюнктурщиков, убаюкивающих и убаюкиваемых Сталина, боящихся ему перечить.

Ко многим информационным сообщениям Зорге дает и собственный комментарий, но какой: посол в стране оси Берлин-Рим-Токио уверен в точности своего прогноза на 95 процентов. При этом ссылается на Риббентропа, который заверяет Отта, что нападение на СССР – вопрос решенный.

В разведке, да и не только, такая ссылка на высокопоставленный подысточник обозначает огромную вероятность основного сообщения.

Затем через день в подтверждение переданного приводится разговор с приятелем, военным атташе посольства Германии в Японии Шоллом: «Следует ожидать со стороны немцев фланговых и обходных маневров и стремления окружать и изолировать отдельные группы. Война начнется 22 июня 1941 года». Рамзай также приводит слова Шолла о том, что военные действия могут развернуться и двумя днями позже. Сначала вторжение, а затем – объявление войны. Наступление будет вестись по всему фронту, главные направления – Москва и Ленинград.

Вносит свою важнейшую лепту в отправляемую в Москву информацию и помощник японского премьера Одзаки: посол Японии в Германии был вызван к Гитлеру. Фюрер уведомил его, что Германия нападет на СССР 22 июня без объявления войны. Чтобы сообщить об этом Зорге как можно быстрее, осторожный советник принца Коноэ нарушает все правила конспирации. Всю ночь он простаивает около дома Зорге, ожидая Рихарда. Полиция не могла не заметить странного поведения высокопоставленного сановника Одзаки.

И Зорге понимает, что его группа на грани провала. Под любыми предложениями надо бежать из страны. Но разве можно подвести родину? Кто сообщит ей важнейшую информацию, если не его, Рамзая, люди?

И 15 июня 1941 года радист Макс Клаузен направляет в Москву еще одно грозное предупреждение: «Повторяю: 9 армий и 150 немецких дивизий совершат нападение на советскую границу 22 июня! Рамзай».

Порой радиогаммы настолько длинны, что Клаузен передает их частями. Это – огромный риск: все равно засечь радиопередатчик при столь длительной работе не составляло труда. Почти восемь лет регулярно посылал он радиогаммы в Центр. Потом Клаузен подсчитал – в среднем отправлялось по два сообщения в день. А накануне 22 июня 1941 года группа Рамзая, не считаясь с угрозой быть запеленгованной, идет ва-банк.

20 июня Зорге, прямо указав источник – посол Германии Отт, даже позволил себе в радиогамме излишнюю эмоциональность: «Через два дня начнется война между СССР и Германией. Она неизбежна». Как правило, такие выводы Центр никогда не приветствовал. Долг разведчика добывать информацию и сообщать ее со ссылкой на источник. А выводы – за московским начальством.

Сразу после нападения Германии Рамзай передает в Москву: «Выражаем наши наилучшие пожелания на трудные времена. Мы все здесь будем упорно выполнять нашу работу. Рамзай».

В этих сообщениях – все абсолютно точно. Кроме одного. Резидент ГРУ больше не имел права подписываться собственным многолетним оперативным псевдонимом Рамзай. Центр, крайне недовольный работой Зорге, в виде своеобразного наказания сменил полюбившееся Рихарду имя на безликое «Инсон». Ведь не зря Сталин продемонстрировал недоверие Зорге и его группе в присутствии начальника Разведуправления Красной армии генерала Голикова, решившегося потревожить спокойствие вождя и наших границ щемящим душу докладом.

Вслед за сталинскими упреками все сошки рангом поменьше решительно заклеили Зорге если не предателем, то двойным агентом. Еще до этого финансирование токийской резидентуры сократили до минимума, чуть не в два раза. После этого все члены группы жили в основном на деньги Рихарда, зарабатываемые журналистикой, и его радиста Клаузена – удачливого коммерсанта. Зорге не собирался жаловаться на трудности. В Центр полетела радио-

грамма от группы Рамзая с просьбой переводить значительную часть зарплаты в Фонд борьбы с фашизмом.

По некоторым сведениям, содержание Рамзая и его соратников обошлось Центру в смехотворные для такого размаха деятельности 40 тысяч долларов. Абсолютное ничто по сравнению с переданной бесценной информацией.

Радиограммы Зорге в отличие от многих других разведывательных донесений не канули в вечность, не были уничтожены, сожжены. Они аккуратно хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории. На некоторых из них – резолюции Сталина, подлинность которых почему-то оспаривают иные историки.

Но существование одной, карандашом начертанной, шокирующей, отталкивающей грубостью, никто не отрицает: «Не послать ли ваш источник к е..... матери!»

Оценивая работу группы Зорге, можно смело сказать, что донесения 1941 года являются самыми точными и аргументированными, подтверждающими предыдущую информацию.

В группе Рамзая было 35 человек. Среди них четверо приехавших в Японию иностранцев. Остальные – бизнесмены, государственные служащие, военные, ученые, журналисты. А работали на них втемную или по идеологическим убеждениям 160 источников. Самая важная птица – ни о чем не подозревавший принц и премьер-министр Коноэ.

Конечно, не только Разведуправление предупреждало Сталина о дате начала войны. Нарком государственной безопасности Меркулов все же решился положить на стол Иосифу Виссарионовичу сведенные вместе сводки множества донесений закордонных разведчиков, в которых те криком кричали о скором вторжении Гитлера. Уломала Меркулова совершить этот смелый, если не рискованный шаг разведчица Зоя Рыбкина, она же будущая детская писательница Воскресенская. Поняв, что нарком не решается ознакомить Сталина с донесениями, которым вождь не хотел верить, Зоя Ивановна использовала последний, убедивший Меркулова аргумент. А что будет, спросила она, если война все-таки начнется в третьей декаде июня? С кого спросят? Именно этот, слегка шкурный довод, а не только забота о судьбе родины, заставил наркома собраться с силами и решиться на поход к вождю. Увы, и этот шаг оказался бесполезным.

После доклада нового молодого начальника внешней разведки Фитина, в котором была названа точная дата нападения на СССР, полученная из разных надежных источников, в кабинете Сталина повисло гробовое молчание. На календаре 17 июня 1941 года, а лишь три дня назад ТАСС выпустило свое ныне знаменитое успокаивающе-убаюкивающее: «Германия также неукоснительно соблюдает условия советско-германского договора о ненападении».

Строгим недовольным голосом Иосиф Виссарионович спросил: что это такое? Впоследствии Фитин так описывал последовавшее объяснение: «Не без большого внутреннего волнения я сказал, что материалы надежные, получены от надежных источников и что информация их, которую получали ранее, подтверждается».

Иосиф Виссарионович подошел к своему рабочему столу, закурил трубку, повернулся лицом к руководителям разведки: «Никому из немцев, кроме Вильгельма Пика (один из организаторов компартии Германии и будущий руководитель Германской Демократической Республики. – *Н. Д.*), верить нельзя. Но если вы считаете материалы надежными – перепроверьте».

Начались перепроверки, отправление запросов о подтверждении. В одном из совсем закрытых музеев я видел несколько похожих сообщений, пришедших в те же дни из Финляндии, Италии, Польши: нападение – 22 июня. Одна дама-разведчица приводила из сопредельной с нами страны детальные и вскоре, увы, подтвердившиеся подробности первой фашистской атаки. Наш единственный агент в гестапо Вилли Леман – оперативный псевдоним Брайтенбах – сообщил о нападении за два дня и указал время до минуты – точнее некуда.

Вспомнил ли вождь о предупреждениях Зорге и других разведчиков, когда в 3 часа 15 минут 22 июня 1941 года Георгий Жуков позвонил ему на Ближнюю дачу в Кунцево и сооб-

шил: немцы бомбят советские города? Вряд ли. Рвать на себе волосы было поздно. За первые несколько месяцев войны страна потеряла убитыми, ранеными и пленными около трех миллионов солдат и офицеров. Не вчерашних призывников, а кадрового ядра армии.

Сталин искренне, и в это никак не хотят поверить исследователи, полагал, что если он уже назначил главным врагом СССР проклятого британца Уинстона Черчилля, то так и должно быть. Подвел культ собственной личности. Слишком привык вождь, что его слово – последнее, решающее. Болезненное самомнение не позволяло представить, что Гитлер, «усмиренный» лично им, Сталиным, посмеет наплевать на заключенный Пакт о ненападении. 9 мая 1941 года в Москве были закрыты дипломатические представительства всех стран, оккупированных к тому времени фашистами. В этом же месяце Сталин выступил на Политбюро: «Вам надо понять, что Германия никогда не пойдет одна воевать». И еще пригрозил: «Если вы будете на границе дразнить немцев и войска двигать без нашего разрешения – тогда головы полетят». Соратники, хорошо зная Иосифа Виссарионовича, не сомневались – точно полетят.

Какие сообщения разведки, которой вождь не доверял. Он недолюбливал собственных дипломатов и торгпредов, живущих «там», а уж на разведчиков всегда смотрел с большим подозрением. Они же общались с иностранцами без всякого контроля. Потому Иосиф Виссарионович и позволил наркомам Ягоде, Ежову, а потом и Берии истребить больше половины закордонной разведки. И если бы Зорге, как предлагало начальство в кровавые 1937–1938 годы, вернулся в СССР, ему, скорее всего, было бы суждено разделить трагические судьбы сотен коллег по профессии. Когда Зорге под благовидным, вполне объективным предлогом отклонил приказание приехать в СССР, и возник так называемый вопрос о доверии к Рамзаю. Горячие головы были готовы разобраться с этим в Москве. Но Рихард не вернулся, тихо игнорируя приказы, чем вызывал еще большее недоверие. Примером отношения к нему Центра накануне войны может служить телеграмма за подписью «Директор» (читай: военной разведки): «Дорогой Рамзай! Внимательно изучив присланные материалы за 1940 год, считаю, что они не соответствуют поставленным задачам». Зорге, тратившего из-за наложенных Центром финансовых ограничений, по существу, собственные деньги на обеспечение работы резидентуры, упрекают в том, что он слишком щедро расходует государственные средства на оплату японских и прочих иностранных источников, работающих на него в Токио. «Мудро» предлагают сократить расходы на агентов и платить лишь за важные сведения.

И только после катастрофы 22 июня 1941 года к Зорге начали вновь прислушиваться. В театре, который посещали в основном европейцы и где даже вездесущей наружке за всеми было не уследить, ему назначили встречу со связником советской военной разведки. Самое подходящее место, простите за пикантную подробность, мужской туалет. Тут Зорге и сообщили, что всю его группу отметят высокими наградами, а урезанное финансирование Рамзаю обязательно увеличат.

Зорге, пренебрегая высоким статусом связника, перебивает посланника Центра. Вся его группа – коммунисты, ни один не трудится ради денег и наград. Задал он и вопрос, который, наверное, стоило оставить при себе. По крайней мере в Москве вернувшимся после начала войны из-за кордона разведчикам задавать его начальству строго не рекомендовалось. Почему игнорировали его предупреждения о начале войны. Наверняка же об этом сообщали и другие товарищи.

Успел Зорге высказаться и о роли Коминтерна: неужели хорошо обученные коммунисты-интернационалисты не говорили о неизбежности нападения Германии на СССР? Коминтерн – тема сложная. О роли коминтерновцев и сейчас предпочитают помалкивать, а уж в те годы... Благополучно вернувшийся из Токио в Москву связник проинформировал начальство о состоявшемся разговоре. В Центре поведение Рамзая вызвало недовольство.

И все же после 22 июня Сталин признал, что «Рамзай оказался прав. Ему нельзя не доверять – иначе возможны новые убийственные просчеты».

Подвиг № 2. Сообщил, что Япония не нападет на СССР

Началась война, и дурацкий псевдоним «Инсон» забыли, снова на связи – все тот же резидент Рамзай. И теперь уже Центр заседал на Зорге. От него требовали невозможного. Добыть точную информацию: вступит ли Япония в войну на стороне Гитлера или все-таки не решится? Ясно, что апрельский Пакт о нейтралитете, заключенный с Москвой, для японских генералов лишь бумажка. На карте – без всякого пафоса – судьба Москвы, к которой немцы подошли почти вплотную, и наверняка всей страны.

Но даже Зорге не мог знать того, чего не знал и сам японский премьер-министр принц Фумимаро Коноэ. И тут очень помог Одзаки. После приезда Рамзая в Токио его сотрудничество с журналистом стало еще более осознанным. Рихард постоянно общался с Ходзуми, их встречи стали регулярными. Зорге был откровенен с помощником, другом и агентом. Он всячески стремился продвигать Одзаки. И тот оправдывал надежды. Сумел завязать знакомство с принцем Коноэ, возглавившим правительство.

Первая аудиенция состоялась по рекомендации двух университетских друзей Коноэ – его советников. Одзаки был представлен ими как знаток Дальневосточного региона. Но Коноэ не собирался опираться лишь на лестное мнение своих помощников. Он дотошно расспрашивал претендента, выяснял его политические взгляды. Получив чрезвычайно благожелательный отзыв журналиста о Советском Союзе, осведомился, не является ли тот другом СССР. Умница Одзаки не пошел на попятную, объяснил, что он – патриот Японии и по-настоящему изучал северного соседа. А современные генералы живут мифами войны 1904–1905 годов. Россия уже не та, что была при разгроме Порт-Артура. И пообещал с цифрами в руках доказать, что СССР – сильная страна.

Своей уверенностью, основанной на глубоких знаниях «противника», журналист понравился Коноэ. Одзаки сделался советником премьера. Поначалу принц Коноэ далеко не всегда соглашался с выводами Одзаки. Но по мере того как политические предсказания аналитика сбывались, приблизил его к себе. Рекомендации Ходзуми ценились, и Коноэ все чаще им следовал.

Война на севере виделась принцу рискованной операцией, которая в случае неудачи отбросит Японию на годы назад. Поэтому он считал, что в его окружении должны быть и уверенные в успехе генералы, и вот такие трезвые головы, как Одзаки, умеющие не только высказывать, но и отстаивать собственную, не совпадающую с другими, точку зрения.

Кстати, когда в июле 1938 года Япония начала военные действия в районе озера Хасан, это не стало сюрпризом для Красной армии. Одзаки заранее успел предупредить Зорге о намерениях японских генералов.

Помог здесь и другой важнейший источник – художник Мияги Етоку, которому, чтобы придать себе значимость, намекали об этом позирующие ему для портретов японские генералы и их болтливые жены. Так что августовское поражение японцев было в определенной степени предопределено резидентурой советской разведки в Токио. Как, впрочем, и за год до этого, в 1937-м, когда из сфотографированных Одзаки документов, «одолженных» для изучения из канцелярии нового премьера Коноэ, стало понятно, что Япония нападет на Китай.

У озера Хасан японцы были разбиты, а сражение на Халхин-Голе превратилось для Токио в символ позора и огромных потерь.

И все равно в 1941 году японский генералитет рвался в бой. Кроме того, на принца Коноэ давили немцы, забывшие, что хотя бы формально они все же считаются дипломатами. Зорге, ежедневно составлявший депеши в Берлин о переговорах посольства и немецкой военной миссии за подписью посла Германии Отта, только успевал поддакивать, когда тот обзывал японцев «трусливыми мерзавцами, не желавшими помогать союзникам».

Скромный с виду военный атташе Германии в Токио подполковник Кречмер, на самом деле, как выяснил Зорге, носил звание генерал-лейтенанта. Сравните с послом Оттом – «всего лишь» генерал-майором. И оба «дипломата» не просили, а требовали, чтобы Япония немедленно начала войну с Советским Союзом. И тогда, и сейчас, десятилетия спустя, можно смело сказать, что война на два фронта была бы для СССР губительна.

А Центр, повторюсь, давил на Зорге. Его замучили гневными радиограммами, составленными порой довольно грубо, с приказами, гневными депешами, порой хамоватыми, с требованием дать ответ на вопрос, нападут ли японцы, ставя перед резидентом вопрос категорически – да или нет?

Одзаки передавал, что кабинет премьера Коноэ в войну вступать пока не решается. Агент Зорге докладывал принцу: «Война с русскими, если японцы ее начнут, станет недальновидным и ошибочным шагом, ибо империя не получит от нее существенных политических или экономических выгод. Великобритания и США будут только рады, если Япония ввяжется в войну, и не упустят шанса нанести собственный сильнейший удар после того, как запасы нефти и стали Японии иссякнут в борьбе с русскими».

И Коноэ, как сообщала в Москву группа Рамзая, пока выжидал. Это слово «пока» и бесило Москву. Зорге просил Центр подождать еще неделю, еще немного.

Итак, премьер Коноэ, ненавидя СССР не меньше своих генералов, тем не менее всячески затягивал решение. Помнил о тяжелом поражении, нанесенном Советами японской армии на Халхин-Голе, в результате которого кабинет министров премьера Хиранумы Киитиро вынужден был уйти в отставку. Коноэ понимал, что его войска к битве с русскими не готовы. Ждал, когда немцы возьмут Москву. И даже отмерил конкретный срок: если Москва не падет и в августе, Япония в войну не вступит. Однако опять-таки «пока».

Зорге объяснял Центру одну из причин нерешительности Коноэ: у Японии нет ресурсов – ни людских, ни топливных или, как сказали бы сегодня, энергетических. Но устоит ли азиатская логика в неравном споре с восточной же самоуверенностью? Этого не мог предсказать и Зорге.

Еще 24 июня 1941 года группа Рамзая добыла совместный проект армии и флота – «Программу политики империи в соответствии с изменением обстановки». Был в ней и очень тревожный пункт № 3: «Если развитие германо-советской войны будет проходить особо выгодно для империи, применить оружие и, разрешив этим северную проблему, обеспечить стабилизацию северных территорий». В первые недели войны японские генералы считали, что «учитывая темп продвижения германской армии, военный разгром СССР последует примерно в течение двух месяцев».

Одзаки питал принца информацией, которую готовил для него Зорге. Коноэ уже к концу лета 1941-го получал относительно реальные сводки с фронтов Великой Отечественной войны в нужной для СССР трактовке. Премьер был подготовлен для понимания важнейшего для себя итога первых месяцев войны: никакого блицкрига у немцев не получилось.

Редкая удача для разведки – подобраться столь близко к руководителю государства. Ведь к осени 1941 года Одзаки набрал такой политический вес, что Коноэ назначил его своим личным секретарем. Но сколько лет потребовалось проработать вместе Одзаки и Зорге, прежде чем был достигнут этот успех.

И Коноэ выдержал, не разорвал подписанный с нашей страной 13 апреля 1941-го Пакт о нейтралитете. Подчеркнем, натиск японской военной верхушки и фашистской дипломатии удалось во многом сдержать и благодаря дуэту Зорге – Одзаки.

2 июля 1941 года Рихарду стало известно, что японское правительство в очередной раз решило отложить нападение на СССР. Весть тотчас полетела в Москву. И вернулась срочной радиограммой из Центра: что предпримет Япония дальше?

30 июля Зорге наконец-то решительно сообщил: Япония в войну с Советским Союзом не вступит, принято решение сохранять строгий нейтралитет, в конфликт в Европе не вмешиваться. В нескончаемом споре между японскими сухопутными и морскими силами верх взяли военные моряки, предложившие осторожно начать боевые действия в Юго-Восточной Азии и на тихоокеанских островах. Сухопутные вооруженные силы рвались в бой, мечтая быстро отличиться, что не нравилось более консервативным и гораздо выше в военной иерархии стоявшим морякам. Эти точные сведения добыл уже другой сподвижник Рамзая – художник Мияги.

6 сентября Зорге порадовал Центр известием: в текущем году войны с Японией не будет. Японцы собираются начать боевые действия на юге, а не на советском Дальнем Востоке.

В радиограмме, переданной в Москву 14 сентября 1941 года, Рамзай утверждал, что «японское правительство решило не выступать против СССР. Однако вооруженные силы будут оставлены в Маньчжурии. Военные действия могут быть начаты весной будущего года, если состоится поражение СССР».

И сразу же после получения этой стратегической информации под Москву, где шли жесточайшие бои, с Дальнего Востока были переброшены четыре наши отлично подготовленные дивизии, за ними кадровые артиллерийские полки, танковые бригады. Готовились к схватке с Квантунской армией, а их исключительно быстро доставили с дальневосточных границ в Подмоскovie. Они и спасли Москву, СССР, а может, и весь мир.

Подвиг № 3. Разведчик перевернул ход войны

Но было и еще нечто, о чем почему-то пишется мало, а если и упоминается, то вскользь, как-то неуверенно. А ведь уроженец Баку Рихард Зорге сумел частично перевернуть весь ход Второй мировой: запустил ее уже в дни войны по нужному для Советского Союза руслу, изменив направление одного из главных ударов потенциального противника – Японии.

Конечно, принц Коноэ и предполагать не мог, что определенный вклад в решение не нападать в 1941-м на СССР внес ... он сам под воздействием своего советника Ходзуми Одзаки, действовавшего вместе с и вовсе не ведомым принцу советским разведчиком Рамзаем. Ходзуми с помощью Зорге развил теорию, понравившуюся премьеру Коноэ. Если Гитлер возьмет Москву, то в скором будущем Сибирь и Дальний Восток все равно достанутся Японии – но уже без кровопролития. Вступление Японии в войну с СССР на руку американцам. Соединенные Штаты выждут, пока имеющийся у Токио полугодовой запас нефти, необходимый для ведения серьезных военных операций по всему необъятному советскому фронту, иссякнет, и ударят по островам. А точный, по-настоящему объективный отчет имевшихся у Японии топливных ресурсов произвели те же Зорге с Одзаки. Рихард был даже рад вести эти подсчеты. Отвлекало от мрачных мыслей.

Идея победоносной войны Японии на Тихом океане оказалась более привлекательной для Токио. В главного противника японцев превратились Соединенные Штаты. «Подсказку» Зорге, переданную через Одзаки, принц Коноэ услышал. Эта информация пришла в Москву меньше чем через сутки после окончательно принятого в императорском дворце решения: «Япония осуществит нападение на Америку и Англию. Опасность для Советского Союза миновала». Больше шифровок от Зорге Центр не получал. Эта, от 14 сентября 1941 года, стала последней.

Рихард уже сидел в тюрьме, а его идеи воплощались в жизнь, когда 7 декабря японцы неожиданно – для американцев и их провалившихся спецслужб – напали на Перл-Харбор. Теперь и у США не было выбора: только война с Японией и никакого отступления. План советского разведчика Зорге был реализован.

Как хочется заявить, что такого в истории мировых разведок не наблюдалось. Однако похожий триумф повторился годы спустя, когда сотрудник внешней разведки ГДР капитан

Гийом тоже выбился в секретари канцлера ФРГ Вилли Брандта и во многом небезуспешно старался управлять действиями шефа.

Что касается Зорге, то была и еще одна подготовленная им радиограмма. В связи с тем, что дальнейшая работа в Японии становилась бесполезной, Рамзай просил у руководства указаний. Возвращаться в Москву или выезжать в Германию? Передать ее в Центр Клаузен уже не успел. Группа была арестована.

За несколько дней до ареста Рихард серьезно заболел. Сказались нервное истощение и свирепствовавший в Токио грипп. Его и арестовали больным.

Я уже упоминал цифру 35 – столько обвиняемых привлекли японцы по «делу Зорге». Из них выделены 17, которых сочли непосредственно причастными к группе Рамзая. Главными обвиняемыми признали пятерых – Рихарда Зорге, Ходзуми Одзаки, Бранко Вукелича, Етоку Мияги, Макса Клаузена.

Японцы после войны убеждали всех, будто документы «по делу Зорге» сгорели во время пожара в марте 1945 года, когда американские самолеты разбомбили здание министерства юстиции. Это не соответствует действительности. Сохранились пусть не оригиналы, а копии допросов всех главных фигурантов дела, хотя и без их подписей. Зорге и Клаузена допрашивали на немецком, Вукелича на английском, а Одзаки и Мияги, понятно, на японском. И все в большей, как Зорге и Мияги, или в несколько меньшей степени держались твердо.

В разведку женщин не пускать!

Зорге был из мужской плеяды, сохранявшей дистанцию со всеми. Даже завоеывая сердца столь притягательных для него женщин, он держал их на определенном отдалении от своих истинных дел, довольствуясь радостью физической, а не духовной близости. Профессия обзывала.

И здесь, по ходу, опровергну еще один миф. Рассказывали мне о сыне, а чаще о дочери Зорге, чуть не до начала нашего XXI века трогательно ухаживавшей за его могилой в Токио. Увы, детей Зорге, как и многие лично знакомые мне разведчики, особенно нелегалы, не оставил. А дочку, думаю, путают с верной подругой Рихарда по житию в Японии Исии Ханако, которую часто называли его гражданской женой. Нет, резидент в Японии не был женат ни на ней, ни на других дамах, которые дарили ему любовь. А миф о дочери Исии и Рихарда возник, полагаю, потому, что японская спутница прожила до 89 лет и за могилой следила до самой своей смерти в 2000 году. Может, ее – стройную, неплохо для своих лет сохранившуюся – и принимали за заботливую дочку.

С Исии Зорге познакомился в октябре 1935 года. Она работала официанткой в немецком ресторане, который был известен всей жившей в Токио германской колонии. Японцев, обслуживавших господ немцев, было принято называть понятными для европейских посетителей именами. Исии звалась Агнессой.

Не хочу выкидывать слов из песни. Возможно, повторяю, лишь возможно, в пору, предшествовавшую знакомству с Рихардом, она занималась и другим ремеслом, убажывая клиентов.

В японских источниках утверждается, будто, как и всех местных, соприкасающихся с иностранцами, ее завербовала контрразведка. И время от времени Исии якобы сообщала сведения о чужих.

Но не о Зорге. Никаких доказательств, ни единого документа, подтверждающего это, нет и уже точно не будет. Зато есть все основания утверждать, что любовь подавила страх перед охранкой. Чувства оказались сильнее угроз контрразведки. Зорге превратился для нее в единственного любимого.

А вот Рихард, по-своему ценя и любя маленькую японку, не отказывал себе и в других житейских радостях. В разных японских источниках указываются несхожие, но немалые

цифры его любовниц. Точно известно, что только-только приехав в Токио, он случайно встретил старую если не любовь, то глубокую привязанность. Хельга была замужем за офицером Оттом, которому во многом и благодаря усилиям Зорге суждено было относительно скоро превратиться в сурового посла.

Интересно иное. В конце Первой мировой войны Хельга, как и Рихард, была не чужда смелых марксистских идей. В 1919 году они были вместе не только в постели, но и в революционном строю. Потом пути их разошлись. Об увлечениях молодости рослая, говорят, чуть не под 190 сантиметров, жена Отта забыла. Но отказываться от некогда любимого Рихарда, попавшего, как и она, в Японию, не собиралась. Да и не в ее интересах было вспоминать, а уж тем более рассказывать другим соотечественникам, когда и на каких баррикадах свела их судьба. Да, просто были знакомы. И в Токио отношения возобновились и продолжались в течение нескольких лет. Муж догадывался, однако молчал. Как уверены некоторые сослуживцы Отта, этому способствовало то, что генерал придерживался нетрадиционной ориентации.

Но вопрос в ином. Понимала ли жена посла, с кем имеет дело? Скорее всего – да. Больше того: может в чем-то, по мере сил и возможностей, даже помогала. Ей, безусловно, было не до коммунизма. Но и в ярую фашистку она за эти годы не превратилась. Была к Рихарду не любовь, а привязанность, физическая тяга. И уважение. Наверняка быстро уразумела, что такие, как Зорге, в отличие от нее, собственным убеждениям никогда не изменяют.

Японцы «засекли» еще двух спутниц Зорге из немецкого посольства. Одна трудилась то ли машинисткой, то ли секретаршей. И по роду деятельности могла быть полезной разведчику.

Не буду представлять Зорге этаким Казановой. Но жизнь молодого крепкого мужчины складывалась так, как и должна была сложиться. Он был женат на безответной русской женщине Кате Максимовой. Официальный брак заключен, действительно трудно поверить в такую вот хронологию, в Москве уже после его отъезда в Японию. И закончился трагически. Ребенка, которого Зорге наказывал жене обязательно назвать тоже Катей, Максимова так и не выносила.

Жена, закончившая театральное училище и подававшая надежды, бросила профессию. Считается – из-за несчастной любви к довольно известному актеру. И карьеру, которая ждала ее в каком-нибудь театре или в студии, изменила круто. Может, привлекала производственная романтика? Или поверила в силу и высокое предназначение пролетариата, вкалывая аппаратчицей на московском заводе «Точнеизмеритель»? Получала крошечные премии, в личном деле – благодарности за ударный труд. Поднималась шаг за шагом по цеховой служебной лестнице – и не выше. Не нищета, однако ой как далеко было ей и до на многие годы исчезнувшего Рихарда, и до несбыточной сытости. Она смирилась. Ждала. Писала и получала крайне редкие письма. Тревожно, беспокойно, муторно пережила чистки 1930-х. Хорошо, хоть не тронули.

Уж кому она могла, тихая и безответная, помешать? Но добрались и до бедной Кати, трогательно годами ждавшей Зорге. После его ареста в Токио в 1941-м немного подождали до 1942-го. И у Екатерины Максимовой начались неприятности. Как пишет журналистка Надежда Столярчук, «в июне в ее трудовой книжке появилась запись: “Объявлен выговор с предупреждением за беспечность и срыв графика”. В ноябре – другая, куда более страшная: “Уволена по ст. 47 КЗоТ РСФСР, пункт Д (совершение преступления, арест)”. И тут же суд, приговор: пять лет ссылки в Красноярский край...». А до этого вот-вот должны были назначить начальником цеха.

Выслали в далекую Сибирь. Поселили в барак, где содержались только политические. У Катиней сестры сохранилось два ее письма, где она писала о замучившем ее голоде и страшных морозах. Не выдержав непосильной работы, осужденная Максимова в мучениях скончалась в медицинском пункте поселка Большая Мурта 3 июля 1943 года, так и не узнав, что удалось свершить ее любимому мужу.

Пару раз читал, будто Максимова отравили. Нет, не верится. Но до смерти довели умело. Она работала с вредными химикатами без всякой защиты. Местные врачи честно пытались

спасти ее жизнь. Но женщина была настолько истощена, а имевшиеся лекарства так примитивны, что Катя была обречена. Да и по признанию запомнившей Максимову медсестры, «жить ей не хотелось. Отмучилась...». Причиной смерти названо «кровоизлияние в мозг».

13 месяцев с Рамзаем

О личности Зорге, о методах его работы ходит много домыслов. И чтобы внести ясность, я предоставляю слово старейшему чекисту России Борису Игнатьевичу Гудзю. Это именно он за два с половиной года до войны 13 месяцев руководил из Москвы группой человека, известного ему под оперативным псевдонимом Рамзай. Царство небесное Борису Игнатьевичу, которого я провожал в последний путь на 105-м году его длинной жизни.

– Борис Игнатьевич, а как вы оказались в военной разведке? Почему перешли туда из Иностранного отдела ОГПУ?

– Приехал из-за границы, как раз из Японии, где был резидентом легальной разведки в Токио, и многое мне в родном ИНО показалось странным. Все какие-то напряженные, глаза бегают, общая неуверенность. 1936 год – уже идут процессы, хотя чекистов пока еще массово не сажают или берут выборочно, редко. И приняли меня в ОГПУ после возвращения без интереса, с прохладцей. Как так? Человек вернулся после нескольких лет работы в Японии, по существу, прибыл с фронта. Я докладываю, а слушают меня в ОГПУ с пятого на десятое, невнимательно: «Да-да, это мы знаем... Вот мы даем вам путевку – поезжайте отдохните в Кисловодске, а потом, после, после мы будем с вами подробно разговаривать».

– Но тогда отдых в Кисловодске был вожделенной мечтой для многих.

– Только не для меня. Решил встретиться с Артузовым. Его, бывшего руководителя и одного из основателей ИНО, перевели, к всеобщему удивлению, в военную разведку. Чтобы как-то объяснить странное назначение, объявили, что для усиления. Сообщаю ему: хочу вас повидать. Он отвечает: давай, приезжай. Доложил, рассказал, как «слушали» меня в ИНО. И Артузов предложил перейти в Разведывательное управление РККА. Я согласился.

– Так вы и познакомились с Зорге?

– Я познакомился не с Зорге, а с его операцией. Мой 2-й Восточный отдел занимался запутанными дальневосточными делами, в том числе по Японии. Так что действительно 13 месяцев довольно плотно работал по линии «Рамзай». Этот разведчик больше известен у нас как Рихард Зорге. Меня ввели в операцию, и вместе с начальником отдела я продолжал эту линию. Читал донесения Зорге, отвечал на его письма, изучал вопросы, которые он нам присылал. Когда начальник 2-го отдела болел, а случалось это часто, я докладывал об операции начальнику управления, подписывал у него письма, подготовленные для отправки Зорге.

– Борис Игнатьевич, а почему все-таки работать с Зорге руководители военной разведки пригласили именно вас?

– Руководили военной разведкой Урицкий и Артузов. Артур Христианович Артузов и пригласил меня в январе 1923 года в разведку. Я пригодился ему на сей раз уже в 1936-м как живой человек, два с лишним года проработавший в Японии в качестве сотрудника внешней разведки. Ему было интересно получить человека с японским опытом. Он же там не бывал, как, впрочем, и начальник моего 2-го отдела. Чтобы руководить Зорге, требовалось конкретное знание обстановки. Это исключительно ценно для разведки. Как японская контрразведка ведет наблюдение? Каким образом можно оторваться от слежки, не раздражая наружку? Да и стоит ли отрываться? Я понимал, как и где встречаться с источниками. Вести их в ресторан или еще куда-то. В ту пору японская контрразведка работала тотально, следила за каждым иностранцем. Так что я помогал корректировать деятельность Зорге уже не столько логически, какими-то абстрактными соображениями, а практически, с учетом личного знания обстановки. Ситуация для меня совершенно ясная. Для моих начальников – не особенно. Вряд ли

бывали они в Азии, да и в Европе, кроме, конечно, Германии, страны, где работать нам было так же невыносимо сложно, как и в Японии. Помимо абсолютного контроля со стороны японцев еще и труднейший язык, и исключительно сложный, специфический, не всем европейцам понятный менталитет. А еще тяжелый климат, к которому русскому человеку сложно привыкнуть. И постоянное, действующее на нервы, ни на минуты не оставляющее в покое наружное наблюдение. А оторвешься от него, тоже выход слабый. В следующий раз тебя так возьмут в оборот, что мало не покажется: никаких церемоний, сплошная жесткость, иногда переходящая в непредсказуемую откровенную грубость.

– Рассказывают, что так работала при шахе Ирана Реза Пехлеви его секретная служба САВАК.

– Я тоже слышал. Но предвоенное время было еще более суровым. После Второй мировой войны САВАК хотя бы как-то щадил иностранцев, отыгрываясь на своих, на персах. А в Японии деления на своих или пришлых не было.

Моим непосредственным руководителем в Москве был кадровый офицер, полковник, который до этого два-три года стажировался в Японии. Даже написал подробную, очень полезную для армейских специалистов книгу о японской армии. Она у меня до сих пор хранится с его дарственной надписью. Окончил Военную академию, а его – в разведку.

– Хотел попробовать силы на новом поприще?

– Не имел никакого желания. Тогда было принято нажимать, оказывать административное давление, выдвигать в разведку партийцев, военных. Выпускника академии вызвали и сообщили: будете начальником, займетесь разведывательной деятельностью. У нас с ним сложились хорошие отношения, и полковник мне иногда жаловался: был командиром полка, хозяином большого военного хозяйства, а меня – к вам, в разведку, и еще заставляют заниматься агентурной работой. Не был он ни разведчиком, ни контрразведчиком: «На кой черт нам это нужно? У нас по японской армии все есть, мы все о ней знаем». Я его убеждал, что и они, японцы, совсем не дураки, они к нам лезут, а мы – к ним. И результаты это нам приносит хорошие, иногда открываются такие сюжеты. А он: «Борис Игнатьевич, зачем я буду этим заниматься? Будет у нас какой-то агент, не будет. Все это мышиная возня».

И как раз в это время начинается история с Рамзаем. Военный разведчик Зорге действует в Японии. Потому специально пригласили меня на это дело, чтобы учитывал все нюансы.

– И вы лично посылали Зорге какие-то свои указания?

– Письма имели право подписывать только Урицкий и Артузов. Я же готовил послание от имени руководителей разведки. Они могли его принять или нет. Мы со специалистами 2-го отдела обдумывали и взвешивали все детали. Изучали тщательнейше каждый шаг Зорге – ведь мы руководили операцией. Потом шли к Артузову с изложенными в письме предложениями. Он решал: «Это указать обязательно. Это – не надо. Подготовить и изложить такую-то мысль. Потом – отредактировать».

– И Зорге выполнял все указания из Москвы?

– Конечно. Слушал нас внимательно.

– Как вы оцениваете деятельность Зорге? Ведь он передавал столько ценнейшей информации. И сегодня иногда даже не верится, что вся она могла быть собрана одной группой.

– Это был человек высочайшего класса. Очень умный, развитой, исключительно талантливый, с незаурядными способностями. По уровню и сравнить его не с кем. Зорге для меня был и политическим деятелем, который пришел в разведку. Плюс ко всему Рихард – блестящий журналист. А корреспондент, по-моему, тоже своеобразный разведчик.

– Ну-ка, ну-ка, Борис Игнатьевич, поведаете: что вы думаете о журналистской профессии?

– Профессия, несомненно, в чем-то близкая, несколько похожая на нашу. Вот идут двое: корреспондент и разведчик. Они выходят из одной точки и стремятся поначалу приблизи-

тельно к одинаковой цели: им нужна информация. А потом их пути расходятся. Журналисту вполне достаточно добытых сведений для написания статьи. Разведчик же продолжает движение по иному пути. Ему нужна секретная и актуальная информация – и постоянно новая. Значит, требуется агентура, а для этого – вербовка. А когда корреспондент идет по этому второму, более длинному и сложному пути, он, как Зорге, превращается в разведчика. Процесс очень своеобразный. И если человек, даже талантливейший, уровня Рамзая, на этапе перехода от журналистики к разведке минует школу, в которой он должен усвоить принципы работы контрразведки, то у него могут случаться некоторые заскоки, потери.

– Вот к чему привел наш разговор о журналистах. Неужели у великого Зорге были заскоки и возникали проблемы?

– Иногда случалось. Это была наша с ним болезнь. Ведь он изначально не был кадровым разведчиком. Начинал работать, не пройдя школу контрразведки. Разведчик должен всегда сознавать, что находится в опасности, над ним довлеет угроза со стороны контрразведывательной организации. Одно дело изучить это абстрактно, на чекистских наших курсах. Другое – пережить на себе. Зорге был с этим незнаком. Ему пришлось учиться на ходу. И мы старались как-то обогатить Рамзая необходимыми ему знаниями.

– В чем же конкретно эти, как вы их называете, заскоки проявлялись?

– Он, к примеру, гонял по Токио на мотоцикле, купленном у Макса Клаузена, для которого продажа немецкой техники служила отличным прикрытием и источником дохода. Когда Макс, как и в Китае, только начинал в Токио свое дело, его первым покупателем стал Зорге. А за этим популярным в иностранной колонии человеком потянулись другие иностранцы, не только немцы. Но в Токио в 1930-х годах движение было интенсивнейшее. Можете себе представить, чтобы серьезный резидент с мощнейшей агентурной сетью – и на мотоцикле?! Я сам – старый мотоциклист и знаю, что ни в коем случае этого делать нельзя. На машине – совсем другое дело, тем более если руль держишь уверенно. И вот Рамзай попадает в аварию.

– В одной из многочисленных книг о Зорге я вычитал, будто в тот самый раз он был здорово навеселе.

– Зорге – без сознания, с ним – секретные материалы. Да он тогда чуть не загремел в полицию с этими документами.

– И еще я читал, что Зорге ухитрился каким-то невероятным образом вызвать помощника, неимоверным усилием воли оставался в сознании с проломленным черепом, сломанной челюстью и, только передав документы вызванному им Макс Клаузену, тут же вырубился.

– Подтверждено достоверно. Но был он в таком состоянии, что секретные документы, он как раз и ездил за ними к Одзак, сам передать был уже не в силах. Только глазами показал Макс на карман, а тот, отлично его понимавший, ухитрился незаметно добраться до бумаг и их забрать. Клаузен был чрезвычайно удачлив. Мы, естественно, мотоцикл после этого строжайше запретили.

Или передает Рамзай в Москву по радио длиннющие телеграммы. Они больше характера журналистского, а не разведывательного. Конечно, интереснейшие, их бы в газету, а лучше даже по размеру в журнал. Но мы же имели здесь всю японскую прессу, в Москве у нас японисты сидели. Токийскую печать анализировали и всё прекрасно понимали. Опасно было столько передавать: Зорге же знал, что в Токио есть пеленгаторы, последнее слово радиотехники, которые стараются уловить переговоры в эфире. С его радиостанцией надо было перемещаться. В Японии, особенно в Токио, это очень сложно. И на машине тоже. Кругом японцы, европейские лица сразу заметны. Может, на лодке? Но тут возникают осложнения.

А возьмите наружку. Как от нее отрываться и надо ли отрываться вообще? У меня здесь большой опыт, на себе испытал, как они ведут наблюдение. Тут Зорге нам сообщает: я с ними, с этими ребятами из наружки, дружу. И вроде они настолько сошлись друг с другом, что им

можно и деньги дать, то бишь, взятку, чтобы слишком уж не надоедали. Но эта игра – рисковая. Опасно! К счастью, и здесь пронесло.

Спасибо Борису Игнатьевичу за рассказ. Но о тотальной слежке позволю себе сказать особо. Наружка в Японии отличалась от любых аналогичных служб других стран. В Токио ей дозволялось практически всё. Контрразведка ходила за Зорге, как и за другими иностранцами, по пятам. Не помогало и немецкое подданство, искренне в ту пору японцами почитаемое. Документы не для того, чтобы понять, кто перед ними, это и так было ясно, а для устрашения могли проверить и проверяли на каждом шагу. Мелочь, однако неприятная, выбивающая из колеи, рабочего настроения. В квартиру входили не только в отсутствие подопечного. Врывались, задавали любые вопросы, имели полномочия – на всякий случай обыскивали. Буквально цеплялись железной хваткой за опекаемого. Никакой тайны из того, что они совсем рядом, что дышат в спину, не делали. Иногда точно так же работали американцы. Но японцы превосходили их по наглости и бесцеремонности. поголовно всех соотечественников, по роду деятельности общавшихся с иностранцами, превращали в осведомителей, стукачей. Если видели, что те с доносами не спешат, лишали работы. А горничные, сторожа, переводчики, шоферы и прочие садовники за должность держались крепко. Хочешь не хочешь, приходилось доносить. Эта система была тотальной.

В ней и приходилось действовать Зорге. Испытал ее на собственной шкуре и работавший в Токио Гудзь. Но задачи и положение двух разведчиков, один из которых работал под дипломатической крышей, а второй фактически нелегально, были несопоставимы.

И поэтому Рамзаю приходилось применять методы нетрадиционные. Наблюдая за сотрудниками наружки, выделял из них готовых идти на контакт. Обладая огромной харизмой, превращал более доброжелательных в своеобразных знакомых. Случалось, перекупал их, подсовывая небольшие подарки, а если своими словами, то и взятки.

Разведчиков, в том числе и легальных, учат: если тебя прочно опекает наружка, ни в коем случае нельзя без крайней на то необходимости от нее отрываться, обманывать, ставить в тупик. Тогда шпики становятся безжалостными. Кому же понравится, когда к тебе относятся неуважительно и вопреки принятым негласным правилам дурят?

Зорге писал в Центр: «Я особенно не боюсь больше постоянного и разнообразного наблюдения и надзора за мной. Полагаю, что знаю каждого в отдельности шпики и применяющиеся ими методы. Думаю, что я их всех уже стал водить за нос».

И Рамзай всячески, годами смягчал отношения с филерами, не позволял им превратиться в жесткое противостояние. Да, это шло против всех разведывательных канонов. Но могли Рамзай действовать в Японии традиционно?

Он был под наблюдением, от которого постоянно уходил. Но наружка совсем не дремала. И тут Зорге ставил ее порой в тупик. Так, она пунктуально насчитала: с 6 сентября 1933 года – даты прибытия Рихарда в Токио и до дня ареста у него были 52 женщины. С ними он вступал в связь, как постоянную, так и мимолетную. Среди этих пяти десятков наиболее устойчивые, многолетние отношения сложились с женой посла Отта и японкой Исии Ханако. Как мы уже говорили, посол об этом точно знал и равнодушно смотрел на измены супруги. Да и не подбратиться было японской контрразведке к высокопоставленному германскому дипломату, никакой шантаж тут не проходил.

А вот Ханако всячески стращали. Врывались в ее дом, обыскивали, требовали сообщить все, что знает о немце. Но искренне любящая Зорге женщина стоически молчала. Наглости арестовать ее, делящую постель с сотрудником посольства Германии, у японцев не хватало. Совместное проживание продолжалось фактически и физически до самого ареста Рихарда. Попытки засадить Исии в тюрьму не удались. Она, вероятно, догадывалась о двойной жизни любимого, но не была ни его агентом, ни даже помощницей. Зорге никогда не смешивал постель и работу.

Коммунисты всегда под колпаком

В те годы запрет для разведки был введен строжайший: с агентами-коммунистами работать нельзя. Они всегда и везде под наблюдением спецслужб. И нарушение, пусть невольное, этого правила, как считается, погубило Зорге.

Такой точки зрения придерживался и Борис Игнатьевич Гудзь. Вот как он оценивает арест разведчика в 1941 году:

– В отношении Зорге была допущена очень крупная ошибка. Это мое личное мнение. Оно оспаривается многими исследователями, авторами толковых книг о Рихарде Зорге. Он держал связь с реэмигрантом Етоку Мияги, членом американской компартии. Но как же можно работать с коммунистами? Они ведь везде за рубежом находились под наблюдением. Художник Мияги выехал из Японии в США, где наши его завербовали. На побережье в Сан-Франциско, он там жил до конца 1932 года, образовалась чуть ли не миллионная колония японцев. Но начальнику военной разведки Яну Карловичу Берзину пришла мысль использовать Мияги в Японии. Он изымает художника-коммуниста из нормального японского окружения в Штатах и осенью 1933-го посылает в Японию на связь с Зорге, которому подсказали: нужно встретиться с таким-то человеком, он уже находится в Японии, используйте его. Рихард так и поступил. Не раскусил, что нельзя столь явно и столь часто общаться с коммунистом.

Напомню, дело Рамзая было раскрыто в Японии не военной контрразведкой, а их политической охранкой. Эта служба, работавшая по коммунистам, случайно вышла на Мияги через другого коммуниста, тоже раньше жившего в США.

А художник вошел в Токио в моду, рисовал портреты высших руководителей, большей частью военных, их жен. Был вхож во многие модные салоны. Так что не только Одзаки, но и Мияги обладал важнейшей информацией. Тоже очень полезная, но и опасная связь. Такие люди – всегда под наблюдением охраны. Надо это понимать.

– Но в чем здесь просчет Зорге? Мияги-то ему прислали по приказу из Москвы. И как же Зорге мог послушаться?

– Так и мог: решить на месте – рискованно, нецелесообразно. Меня, работавшего во 2-м отделе Разведупра, смущало и другое. В 1919 году Зорге вступил в компартию Германии, возглавлял коммунистическую газету, был партийным функционером и другом Эрнста Тельмана. Это ему была поручена охрана советской делегации во главе с Куусиненом, прибывшей на съезд КППГ. Через пять лет, в 1924-м, перебрался в Москву, вступил в нашу компартию. И даже написал три публицистические книги, понятно какого направления, под собственной фамилией. И немецкая контрразведка могла это обнаружить.

– Но как получилось, что не обнаружила? Как вышло, что весной 1933 года в Берлине перед поездкой в Японию в качестве корреспондента Зорге удачно прошел все собеседования и получил на то разрешение от партийных нацистских бонз?

– Проглядели его, потому что прошло относительно немало времени между той его партийной работой и приходом Гитлера. Изменилась власть, и, быть может, нацисты не сразу взялись за старые архивы. Коммунистов они уничтожали безжалостно. Опасность оставалась всегда и нами учитывалась. На всякий случай для Зорге была заготовлена версия: он разочаровался в юношеских увлечениях левым движением, теперь, повзрослев, полностью разделяет идеологию национал-социализма. Мы разрешили ему вступить в фашистскую партию. Но переживали, тревожились – вдруг коммунистическое прошлое всплывет. Не всплыло. И Берлин по представлению уполномоченного гестапо в Токио даже предложил Зорге стать руководителем отделения нацистской партии в Японии. Рамзай благоразумно отказался. Это вовлекло бы его в чисто внутренние конфликты и дразни, мало что дав взамен. Да и более тщательную проверку личного дела могло спровоцировать.

Дополню Бориса Гудзя и рассмотрю все версии провала группы Рамзая.

По первым двум все началось с ареста художника Етоку Мияги. По одной из них японская политическая полиция вышла на «другого коммуниста», который затем совершенно случайно вывел ее на Мияги. Бдительные жильцы пожаловались на соседа: тот болтает лишнее. И болтуна, чтобы пострадать, вызвали в полицию.

Разговор с инспектором не предвещал больших открытий – обычная бытовая ссора. И вдруг разволновавшийся посетитель начал давать показания. Изобличал некоего художника Мияги как предателя, врага нации. Даже подозрительные полицейские не поверили трусу, в буквальном смысле слова наделавшему в штаны от страха.

Однако за художником теперь на всякий случай присматривали: мало ли что. И очень быстро выяснилось, что Мияги – действительно коммунист, да еще сующий нос, куда не надо, и к тому же общающийся с иностранцами. «Топтуны» установили: художник постоянно встречается с корреспондентом уважаемых немецких газет Рихардом Зорге. Что может быть общего между коммунистом и нацистом, не вылезающим из немецкого посольства?

И охранка, вышедшая на Зорге по коммунистической связи, простите за специфическую терминологию, передала Мияги контрразведке.

Итак, мы рассмотрели две версии ареста художника. И принадлежность одного из членов группы к компартии, и предательство соседа-стукача. Да, линия Мияги остается в деле Зорге наиболее уязвимой.

Но вот и третья версия, в которую, судя по токийским изданиям, верят сами японцы, а натолкнули их на это американцы. Группу Зорге якобы выдал один из руководителей японской компартии Рицу Ито. Формальных доказательств нет. Есть лишь ссылка на протокол допроса Ито, который действительно был знаком с Мияги. Допрос вели «умело», и Ито не выдержал, назвав участников шпионской группы, среди которых были одна из малозначащих помощниц Зорге и все тот же художник. Когда после войны Рицу Ито пытались допросить его товарищи по компартии, он сбежал в Китай. Но и там бывшие соратники его нашли. Они вроде бы даже просили уничтожить Ито, как предателя, но гуманные китайцы лишь засадили его за решетку на 27 лет. Ито, как ни странно, выжил, вернулся в Японию, где заклеенный врагом собственными соратниками скончался в преклонном возрасте, так ни в чем и не признавшись.

Эпизод с Рицу Ито видится совместной японо-американской попыткой дискредитировать коммунистов, представлявших в конце 1940-х – начале 1950-х годов определенную силу и имевших немало сторонников. Если Ито действительно под пытками кого-то и выдал, то именно двух коммунистов, никак не подозревая о глубоко законспирированной группе Рамзая.

Есть и четвертая версия, она выглядит достаточно правдоподобно. В начале 1940-х в Токио с подозрительностью смотрели на все с клеймом «сделано в США». Полицейские составили список японских граждан, которые, проведя годы в Штатах, вернулись домой. Время от времени проводилась выборочная проверка каждого такого «американца». Настал и черед Мияги. А дальше всё, как следовало ожидать. Без всяких предателей – коммунистов и стукачей – засекли его регулярные встречи с Одзаки. Они охранку насторожили. Когда поняли, что больной туберкулезом соотечественник встречается с югославским журналистом Вукеличем и немцем из пресс-службы германского посольства, поднялся переполох. На исходе второй недели слежки выяснилось, что после этих встреч доктор Зорге спешит в дом коммерсанта Клаузена. Тот самый, в котором, как свидетельствовал пленгатор, работала рация. Почерк радиста совпадал с тем, что действовал поблизости от жилищ Зорге и Вукелича. Сомнения почти отпали. Хотя оставались спорные моменты, было решено взять Мияги и Одзаки, а затем – остальных.

И, наконец, существует еще и пятая, классическая версия. Ее в мягкой форме озвучили в России только в 1995 году, ссылаясь на бывших непосредственных руководителей Зорге из военной разведки. По этой версии на Рамзая вышли случайно. Его никто не выдавал и не пре-

давал. Просто группа работала очень долго. И лишь цепь случайностей, а вовсе не допущенные ошибки или предательства, на девятом году активной деятельности привела Зорге к неизбежному концу.

Хочется в это верить. Уж очень славных, достойных людей собрал Рихард Зорге под красные знамена, которые сам считал коминтерновскими. А японцы признания Зорге в служении именно Коминтерну с удовольствием приняли. Война с набравшей в военные годы огромную мощь Красной армией в их планы не входила. И чтобы лишний раз не злить СССР, называли Зорге не советским шпионом, а именно коминтерновцем. Не забыли об этом напомнить даже при казни 7 ноября 1944 года.

Аресты начались с Мияги. Когда пришли за художником, он, все поняв и стремясь избежать неминуемых пыток, совершил харакири. И опять версии. Первая – с помощью самурайского меча, с которым ему позировали натурщики. Версия вторая – воткнул в живот старинный нож.

Совершить харакири Мияги не сумел. Его мигом доставили в тюремную больницу и откачали. Он тут же ухитрился, обманув охрану, выброситься с третьего этажа. Но и на этот раз самоубийство не удалось. Не суждено было ему умереть относительно легкой смертью.

Наверное, после этого следователи поняли, что Мияги будет молчать, и все равно допрашивали его с невероятной жестокостью. Он ничего не сказал. Тюремщики прозвали художника «фанатиком». Мучили на допросах. Етоку терял сознание, его обливали водой, снова били. Говорил только в бреду. Звал умершего отца и жену.

Во время следствия Мияги сделал заявление. Вот часть его: «Понимая, что главная задача заключается в том, чтобы избежать войны между Японией и СССР, я принял решение вступить в организацию как простой солдат. Я принял участие в ней, отдавая себе отчет, что в военное время буду приговорен к смерти». Мияги проявил себя стойким. Да, фанатичным, верным, преданным. Неизлечимо больной, страдающий от туберкулеза в последней его стадии, он скончался в тюрьме 2 августа 1943 года.

Если бы японцы знали, кто первым сообщил Советскому Союзу о подготовке их нападения на озеро Хасан, они бы обращались с Мияги поаккуратнее. Не дано им было докопаться до того, что сигнал тревоги, тотчас в СССР принятый, подал именно этот смертник.

Не вступая в бессмысленный спор с Гудзем, замечу: существует и другое объяснение возвращения Мияги из Соединенных Штатов в Японию. Американцы еще в 1932 году собирались арестовать художника-японца, казавшегося им подозрительным. И чтобы не потерять ценного агента с необычной профессией, Мияги решили вывести из Америки. Сам он был не прочь поехать в Москву. Больше-то некуда. Мияги даже обратился с просьбой отправить его в Советский Союз. Ему не отказали, сообщив лишь, что «такая возможность изучается».

Но в это время в Японию отправился Рамзай, которому требовалась поддержка. И с согласия художника Берзин перебрасывает того в Токио. Следует встреча с Зорге и с Вукеличем в музее. Говорящий по-английски Мияги выступает в качестве гида, знакомит Рамзая и его спутника с секретами современной японской живописи. Прикрытие надежное, объясняющее общение с иностранцами. К тому же Зорге убеждается, что его потенциальный помощник хладнокровен, умен и уже неплохо знаком с разведывательной работой. Где еще найдешь такого среди японцев? И он уговаривает Мияги стать его другом. Живописец сомневается. И все же не может отказать советскому резиденту. Его «да» становится началом долгого и плодотворного для советской разведки сотрудничества. И началом конца группы Рамзая осенью 1941 года.

Никакой вины Зорге здесь нет. Конечно, важную роль художника понимал еще один помощник Зорге – югославский журналист Бранко Вукелич. С Мияги общался и Одзаки, но знакомство двух японцев подозрений до поры до времени не вызывало.

Все документы, попадавшие в руки Рамзая после обработки, моментально уничтожались. Законы конспирации соблюдались. Что можно было еще предпринять, чтобы обезопасить группу Рамзая? К тому же Мияги с давних американских времен тяжело болел туберкулезом. Сомнительно, чтобы человека обреченного заподозрили в работе на иностранную разведку. Полиция была осведомлена о его доходах от продажи собственных картин и чтения лекций о японской культуре на приличном английском.

Из США он привез три тысячи долларов – деньги по меркам 1941 года немалые. И Мияги об этих сбережениях иногда «пробалтывался». Уж не знаю, накопил ли их сам художник, или советская разведка заранее обеспечила агента этой суммой. Ее обладатель, человек свободной профессии, мог и не ходить каждый день на работу. Это устраивало не только его – главным образом Зорге. К тому же Мияги всегда отличало немногословие.

Супруга Одзак не подозревала, чем занимается ее супруг. Профессионал Вукелич, ведясь, по предложению или приказу Зорге отправил жену на родину, в далекую Австралию. Новая спутница жизни – японка – ждала ребеночка, не до разведки ей было. А русская жена Макса – Анна Клаузен – работала на советскую разведку еще с шанхайских времен.

Так что выскажу свою точку зрения, которая согласуется с классической версией: Зорге сгубило время, уж очень долго держался он со своими людьми в Японии. Плюс случайность, которой стал выход полиции на Мияги. Увы, случай и предательство всегда довлеют над жизнью любого, даже самого осторожного разведчика.

Приведу еще одну точку зрения, высказанную полковником разведки, писателем Анатолием Георгиевичем Смирновым в его книге «“Висбаден” всегда на связи», в которой профессионально разбирается деятельность Зорге. Книга вышла в 2012 году в издательском доме Дальневосточного федерального университета. Может, из-за гигантских нашенских расстояний не добралась в нужном количестве до Москвы и заслуженной известности недополучила. А зря. «Висбаден» – это Владивосток, в котором и принимали радиошифровки из Токио. И было их столько, особенно в начале Великой Отечественной войны, что японцы радию заперенговали, установили радиста и его друзей. Смирнов уверен, что это и стало решающим фактором в разоблачении всей группы. Не берусь судить, так ли, и считать, что это утверждение из разряда неоспоримых.

Но вот парадокс: Зорге едва не расстался с жизнью еще в самом начале 1930-х. Тогда покушение на него собирались совершить ... немецкие коммунисты. Товарищи по партии не простили Рихарду «измены». Как мог он, твердый коммунист, сражавшийся на баррикадах, отсидевший в 1920-м в тюрьме, вдруг изменить марксистским убеждениям, записаться в арийцы и, главное, вступить в Национал-социалистическую рабочую партию Германии, проделав путь от коммуниста – до нациста. И приговор за это предательство был один – смерть.

Специальная служба компартии Германии уже начала охоту за «изменником». Откуда честным парням было знать, что их верный друг выполнял тяжелейшее задание Коминтерна, Москвы по внедрению в нацисты. Превозмогая отвращение, Рихард Зорге вживался в новый, ненавистный для себя образ. Удалось, и в 1933-м его приняли в НСДАП.

Партийный приговор отступнику был вынесен: ликвидировать, как предателя. По существовавшим правилам компартия Германии о своем решении уведомила Коминтерн: требовалось согласие находившихся в Москве товарищей. В коминтерновском центре ужаснулись. Забили тревогу. Приводить приговор в исполнение моментально и строжайше запретили.

Но и об этом Борис Игнатьевич Гудзь мне не раз, пусть коротко, без подробностей, однако рассказывал, вскоре пришла новая просьба дать санкцию на ликвидацию, затем еще одна. Понятно, все покушения были запрещены. Быть может, раз на четвертый соратники Зорге поняли, что здесь что-то не так. Но и этот запрет на ликвидацию представлял опасность для советского разведчика. А вдруг кто-то из несостоявшихся ликвидаторов будет захвачен фаши-

стами и, не выдержав допросов в гестапо, станет предателем? Да просто проговорится. Так что над Зорге вечно висел дамоклов меч.

На мой вопрос, знал ли Зорге, что на него ведут охоту свои, Борис Гудзь не ответил.

И еще один довольно тонкий момент, в котором наши с Борисом Игнатьевичем точки зрения на деятельность Зорге не совпадали. Начинал Рихард Зорге свою работу разведчика под крылом, говоря по-современному, внешней разведки. В этой службе требуются политическая аналитика, глубокое проникновение в стратегические планы противника, взвешивание его потенциальных возможностей. И как раз в этом Зорге был необычайно, по тем давним временам даже неправдоподобно, силен. В одной из трех упоминавшихся книг, написанных в его московский период, публицист Зорге предсказал приход к власти фашистов. Упреки в том, что я делаю из Зорге провидца, не принимаются. Он и был настоящим провидцем.

Почитайте (или хотя бы полистайте) сборник «Рихард Зорге. Статьи. Корреспонденции. Рецензии», опубликованный в 1971-м издательством Московского университета. В книге воспроизведены материалы Зорге из нескольких изданий. Какие же они разные, эти работы, предназначавшиеся для журнала «Коммунистический интернационал» или, к примеру, для газеты «Франкфуртер Цайтунг». Той самой, что приветствовала сожжение нацистами книг, «вредных» для нации, Рембрандта объявляла неарийцем, призывала никогда не исполнять музыку Бизе, Сен-Санса и Шопена. Но все, в том числе и вышедшие в фашистской Германии труды Зорге опубликованы, несмотря на то, что автор никогда не писал их в стиле, предпочитаемом доктором Геббельсом. Зорге был не просто журналистом, репортером. Нет, теоретиком, аналитиком, смотрящим в будущее философом. Оценить значение его публицистики в далекое тревожное время, когда вопрос стоял о выживании одной отдельно взятой страны, строящей социализм, было крайне сложно, нереально.

Думается, разведчик опередил свое время на десятилетия и десятилетия, отказавшись от необходимого, однако лишь сиюминутного, сугубо оперативного подхода. Он заглядывал в далекое будущее. Не предсказывал, но и не только информировал, а и анализировал события в развитии. И статьи Зорге, видевшиеся в военной разведке, куда его перевели, определенной если не блажью, то тратой его (и не только его) драгоценного времени, были предтечей, скорее образцом той информационно-аналитической работы, за которую внешняя разведка впервые серьезно взялась в годы Великой Отечественной войны. Ведь совсем не зря весной 1943-го был создан Информационный отдел Первого управления Наркомата Комитета государственной безопасности – по существу именно аналитическая служба. Косвенно, пусть косвенно, но как раз Рихарда Зорге можно считать одним из первых аналитиков внешней разведки. Хотя в последние годы он и трудился в разведке военной. Уверен, что обоим ведомствам будущий Герой Советского Союза приносил пользу величайшую.

Как много в судьбе разведчика зависит от удачи и счастливого для него стечения обстоятельств! Как часто прижимают его к земле нагромождения всевозможных случайностей и порой совершенно нелепых совпадений.

Был и в карьере Зорге момент, когда его провал казался неминуем. Такое может произойти с любым разведчиком-нелегалом, его нельзя избежать и предотвратить. Потому что нет от слепой случайности противоядия. В 1933 году в Берлине злой рок явился на прощальный перед отъездом в Токио ужин прессы в лице некого Густава Хильгера, приглашенного по совету одного из покровителей Зорге. Когда Рихард услышал фамилию будущего гостя, то в памяти промелькнули какие-то воспоминания, ассоциации – не больше. На вечер пришел даже Геббельс. И Хильгер – тоже. Всмотревшись в лицо будущего корреспондента в Токио, без предисловий осведомился: где мог раньше видеть доктора Зорге? И сам же ответил, что, кажется, месяца четыре назад в Большом театре в Москве. Да-да, на опере «Чио-Чио-сан», имеющей некоторое отношение к нынешней командировке журналиста. И даже припомнил, что тот был с очаровательной спутницей, блиставшей красотой.

Память не подвела Хильгера – многолетнего заместителя заведующего отделом торговой политики, советника по вопросам экономики посольства Германии в СССР. Зорге действительно пригласил Катю Максимову в Большой. Так они отметили вступление в брак. Никаких экстравагантностей в Большом театре Зорге не допускал. Уже тогда разведчикам не слишком рекомендовалось светиться в людных местах, где могли произойти какие-то непредвиденные встречи. Не под запретом, однако нежелательны были также известные рестораны, художественные галереи, театры, включая, конечно, Большой, в котором каждый живущий в Москве иностранец считал своим долгом побывать.

Замечу, этот предвоенный полузапрет действовал и в 1950— 1970-е годы, когда, к примеру, наш разведчик Ким Филби, исчезнувший из Бейрута и тихо-тихо живший в Москве, лицом к лицу столкнулся в том же Большом театре с коллегой – британским журналистом, с которым работал, надо же, в Бейруте, откуда таинственно испарился. Тот в своей статье упомянул о встрече с Филби, описав к тому же его спутницу. Для английской разведки это стало подтверждением: да, Филби там, где и должен был быть, – в Москве.

Но та случайная встреча состоялась уже после бегства Кима, а Зорге находился в берлинском журналистском клубе в окружении людей с повязками со свастикой на рукавах черных мундиров. Но Рихард вывернулся. «Вспомнил», что они действительно совсем недавно виделись с Хильгером в редакции одной мюнхенской газеты. Привел и имя человека, который тогда присутствовал, – своего собственного брата, как и он, Рихард, доктора наук. Брат, конечно, подтвердил бы его слова.

Хильгеру было бы достаточно заглянуть в полицейский архив, чтобы на всякий случай проверить, что за журналист отправляется в Японию. Однако Зорге снова повезло. Любитель оперы из посольства Германии до архивов, это уж абсолютно точно и понятно, не добрался. А то бы операции под кодовым названием «Рамзай» не состояться.

И раз уж встретился нам на страницах этой книги советник Хильгер, то припомним, рядом с кем трудился он в посольстве Германии в Москве. С Герхардом Кегелем. Прежде чем занять дипломатический пост, Кегель успел побывать подпольщиком, вступить в компартию Германии, наладить контакт с журналисткой Ильзе Штебе, которую гестапо впоследствии выследило и казнило как советскую шпионку. А Кегель, немало для СССР сделавший, выжил и даже издал после войны переведенную и на русский книгу «В бурях нашего века. Записки разведчика-антифашиста». От Кегеля наши службы впервые узнали имя приехавшего с непонятной инспекцией в Москву молодого немецкого химика, оказавшегося будущим шефом всей фашистской внешней разведки Вальтером Шелленбергом. И, здорово поддав в «Национале», Шелленберг вдруг выдал, что важной целью грядущей и уже близкой войны Германии с СССР будет выход на линию «А – А» – Архангельск – Астрахань. Кегель моментально сообщил об этом советским друзьям. Жизнь подтвердила, что опьяневший Шелленберг не врал. А Кегель, благополучно переживший войну, обосновался после нее в Восточной Германии. Занимал в ГДР важные государственные посты.

Еще один раз пощадил Зорге или, возможно, так до конца и не понял всего ему внезапно открывшегося морской атташе германского посольства в Японии Пауль Веннекер. В отпуске в Германии пришла ему в голову мысль навестить мать Рихарда. Мама ушла накрывать на стол, а моряк, копаясь с ее разрешения в домашней библиотеке друга, случайно натолкнулся на написанную Зорге еще 13 лет назад брошюру о Розе Люксембург. Сугубо марксистский подход к изложению событий хорошо знакомого ему автора – фашиста-единомышленника поразил Веннекера. Если бы эту работу сейчас нашли в доме гестаповцы, концлагерь грозил бы всем родственникам Зорге, а уж автору... И Веннекер притащил книжечку в Токио, отдав Рихарду. А тот на глазах Пауля тотчас сжег ее. И все же не избежал вопроса: «Ты, Рихард, коммунист?» Зорге отшутился, что давным-давно был, как и многие молодые, розовым. Веннекер шутку принял.

Признаться, роль Веннекера в деле Зорге осталась мне не до конца понятной. Когда уже осенью 1941-го Рамзай почувствовал, что кольцо вокруг его группы сжимается, то сложил в саквояж все наиболее ценное. Даже некоторые секретные бумаги. И отнес в дом Пауля Веннекера. Как объяснить этот поступок? Это ли не степень высшего доверия? Догадки можно строить любые. А ошарашенный атташе, узнавший об аресте Рихарда, не потащил саквояж в посольство. Чем бы это могло для него закончиться? Он взял и сжег бумаги. Что это было? Забота о собственной шкуре или товарищеский жест? А может, жест сочувствующего? Или, что ничем и никак не доказано, поступок соратника?

Немного узнали в гестапо и от посла Отта. Не только генерал-майор был в курсе того, что Рихард был близок с его женой. А уж дружба с Зорге выставлялась послом напоказ.

Почему бы и нет, если Рихард Зорге, живя и работая в Токио, поддерживал отношения с министром иностранных дел Германии Иоахимом Риббентропом. Подтверждение тому письмо, найденное в мае 2015 года в токийском магазине раритетов. Послание датировано 4 октября 1938-го. В нем нацист поздравляет доктора Зорге с 43-летием: «Мы ценим ваш выдающийся вклад в деятельность посольства Германии». К посланию прилагается и большая – 29 на 23 сантиметра – фотография Риббентропа. И как после этого не доверять Рихарду?

После ареста Зорге послу Отту приказали сдать дела и прибыть в Германию. Там его ждали суд, неминуемый концлагерь, а то и смерть. Тут же пришел приказ о разжаловании генерал-майора Отта. Коллеги по абверу поторопились, дав ясно понять, что рассчитывать на пощаду нечего.

Не испытывая судьбу, набравшийся опыта абверовец молча повиновался. Вместе с женой отправился в Берлин. Через Китай. В Пекине следы его затерялись. Выплыл Отт только после войны. Вернулся в Германию. Никаких наказаний «ни от белых, ни от красных» не понес.

А вот консулу Гансу Отто Мейснеру, поддерживавшему с Зорге дружеские отношения, быстро пришлось расстаться с тепленьким местечком. Его отправили на грозный Восточный фронт, где бывший дипломат воевал танкистом. Выжил, сохранил добрые воспоминания о Рихарде и написал о нем книгу «Кто вы, доктор Зорге?». Она и стала по существу первым серьезным литературно-документальным рассказом о деятельности советского разведчика, пробудила интерес к нему во всем мире. Но и Мейснер о многих свершениях своего приятеля мог лишь догадываться. Чтобы восполнить собственное незнание, ввел в книгу вымышленный персонаж – японскую танцовщицу, сотрудничавшую с Рамзаем. В исполнении писателя-любителя эта дама иногда воспринимается героиней комикса, что подрывает доверие ко всему Мейснером сочиненному.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.